ДЖЕЙН ФЭЙЗЕР

ПОЧТИ НЕВЕСТА

ШАРМ

Джейн Фэйзер
Почти невеста

OCR Roland; SpellChec Аваричка
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=157820
Почти невеста: АСТ, АСТ Москва, Транзиткнига; Москва; 2006
ISBN 5-17-037659-6, 5-9713-2712-7, 5-9578-4396-2

Аннотация

Страстный игрок поставил на карту все, даже руку и сердце красавицы сестры – и проиграл…

Что делать теперь гордой Арабелле Лэйси – опозорить имя брата и лишиться родного дома или, в уплату долга чести, пойти под венец с циничным авантюристом Джеком Фортескью?

Арабелла выбирает горькую свадьбу…

Однако Джек вовсе не намерен превращать жизнь молоденькой супруги в ад. Напротив, он мечтает лишь об одном – открыть для Арабеллы мир, полный страстной любви – нежной, чувственной и сладостной…

Содержание

ГЛАВА 1 4
ГЛАВА 2 29
ГЛАВА 3 59
ГЛАВА 4 86
ГЛАВА 5 113
ГЛАВА 6 140
Конец ознакомительного фрагмента. 143

Джейн Фэйзер
Почти невеста

ГЛАВА 1

Скольжение карт по зеленому сукну, звяканье монет, сложенных столбиками, когда игроки делали ставки, негромкое бормотание лакеев, подсчитывавших баланс, – вот и все звуки, слышные во внутреннем помещении фешенебельного клуба «Брукс», где шла игра в фараон. Вокруг стола сидели шесть мужчин, сражавшихся против одного банкомета. На них были кожаные нарукавники, предохранявшие кружевные манжеты рубашек, и козырьки для защиты глаз от нестерпимо яркого света, который бросало множество свечей на стол под зеленым сукном. Банкомет сдавал карты, наблюдал за игроками, делавшими ставки, выплачивал выигрыш или подводил итог после каждого роббера. Лицо его было бесстрастным. Для зрителей, собравшихся в комнате, выигрыш или проигрыш, казалось, были вопросами жизни и смерти, в то время как Джек Фортескью, герцог Сент-Джулз, демонстрировал полное равнодушие к тому и другому.

Но здесь были и такие, кто знал, что его безразличие – напускное. На этот раз игра в элегантно обставленной комнате чем-то неуловимо отличалась от обычной, зависящей от

везения. Несмотря на поздний час летнего дня, здесь стояла жара, будто пойманная в ловушку. В спертом воздухе густой запах пота смешался с тяжелым духом одеколона и пролитого вина. Напряжение сконцентрировалось на почти осязаемой связи между банкометом и одним из игроков, в то время как остальные постепенно выходили из игры. Запас монет иссякал, как и азарт игры.

Фредерик Лэйси, граф Данстон, продолжал делать ставки с лихорадочным упорством. Когда он проигрывал, просто бросал монеты на поднос и ставил вновь. Герцог, как всегда непроницаемый, поворачивал карты к себе и откладывал вправо выигравшие, влево – битые. Его холодные серые глаза на миг сверкнули, и он бросил острый оценивающий взгляд на своего визави, потом снова сосредоточился на ломберном столе. Никто не проронил ни слова.

– Клянусь Господом, сегодня в Джека вселился сам дьявол, – пробормотал стоявший в двери и наблюдавший за игрой Чарлз Джеймс Фокс.

Он был в невероятно узком костюме, обтягивающем ярко-малиновом жилете с золотыми полосами и соломенной шляпе, украшенной лентами и увенчивающей волосы, обсыпанные какой-то неправдоподобно синей пудрой.

– И везение это какое-то дьявольское, Чарлз, – откликнулся его собеседник вполголоса.

Его собственный костюм, в изобилии украшенный кружевами, брыжами и золотистым бархатом, казался темным по

сравнению с одеждой других.

– Ему не изменяет удача уже много месяцев.

– И это везение всегда направлено против Лэйси, – задумчиво прокомментировал Фокс, делая большой глоток бургундского. – Вчера я видел, как Джек выиграл десять тысяч гиней.

– И двадцать тысяч в понедельник. Похоже, что игра у Джека в крови. Он играет не ради удовольствия, здесь нечто большее, какая-то особая цель, – заметил Джордж Кавена. – Будто он хочет разорить Лэйси. Только почему?

Фокс ответил не сразу, но ему припомнился старый скандал. Никто не знал подлинной подоплеки той истории, а случилось это много лет назад и едва ли имело отношение к сегодняшней игре. Он покачал головой:

– С тех пор как Джек вернулся из Парижа, его будто подменили. – Он слегка пожал плечами. – Не могу понять, в чем дело. Вроде бы он все тот же беззаботный обаятельный малый, но под этим фасадом появилось что-то новое, какая-то жесткость, которой прежде не было.

– Это неудивительно. Каждый, кто испытал на себе французскую чертову анархию и кому удалось выйти живым из смертоубийственного ада, не может остаться прежним, – мрачно возразил Джордж. – Говорят, герцог был на волоске от гибели, но он об этом ни гугу. Смеется дьявольским смехом и тотчас старается сменить тему.

Он протянул свой бокал проходившему мимо лакею, тот-

час же наполнившему его.

Мужчины умолкли и продолжали наблюдать за игрой. Теперь перед Фредериком Лэйси лежал всего один столбик монет. На секунду его рука нерешительно задержалась над ним. Это означало, что впервые за нынешний вечер он заколебался. Сент-Джулз гладил ножку своего винного бокала безупречно наманикюренной рукой. Сияние свечей высекло искру голубого огня из большого сапфира в его кольце. Он ждал.

С коротким глубоким вздохом Лэйси поставил на туза. Герцог взял очередную карту из колоды и открыл первую – туз. Лэйси еще больше побледнел. Его всегда красное лицо человека, злоупотребляющего спиртным, утратило свой обычный цвет. Герцог все с тем же бесстрастием положил туза и взял следующую карту из колоды. Он перевернул ее и показал десятку пик, будто в насмешку над графом, лицо которого стало пепельно-серым. Герцог сгреб монеты в горку, блестевшую возле его локтя. Он молча смотрел на графа. Теперь оставалось раздать всего три карты.

Грудь Фредерика Лэйси сжал спазм. За последний месяц он проиграл этому человеку, которому почему-то чертовски везло, все свое состояние. Герцог Сент-Джулз всегда играл основательно. В зеленые годы юности он оставил в игорных домах целое состояние, исчез и пропадал за границей, чтобы появиться вновь. Вернулся он несколькими годами позже, нажив второе, еще большее состояние. Но его он не про-

играл, напротив, преумножил, играя постоянно и мастерски. Он был прирожденным игроком и теперь не повторял ошибок молодости. Очень редко, если такое вообще когда-нибудь случалось, он позволял себе встать из-за игорного стола, оставшись в проигрыше.

Лэйси уставился на две стопки сброшенных карт рядом с игроком, а потом на три карты, оставшиеся в колоде. Он знал, каковы эти три карты, как и каждый игрок, примечающий, какие карты вышли. Если ему удастся угадать, в какой последовательности они выйдут, у него останется один шанс из пяти. Но в этом случае банкомет должен выплатить ему из расчета четыре к одному. Один решающий удар, и он отыграется. Он поднял глаза и встретил взгляд серых глаз человека, которого ненавидел со страстью, не поддающейся описанию. Он догадывался о намерениях Сент-Джулза и, единственный в этой душной комнате, знал их причину.

Но в случае удачи он мог бы избежать краха и повернуть колесо фортуны. Если Сент-Джулз примет ставку и проиграет, ему придется выплатить выигрыш противнику из расчета четыре к одному, а это означает его разорение. И Лэйси знал, что Сент-Джулз примет вызов. Он не спеша снял кольца и булавку с алмазом, угнездившуюся в пене кружев у него на шее, намеренно положил все это в центре стола и медленно сказал:

– Моя очередь делать ставку.

– И какова же ваша ставка?

Тон герцога был недоверчивым. В свете того, что было выиграно и проиграно, это заявление прозвучало абсурдно.

Лицо графа залил неяркий румянец:

– Я ставлю на карту все, что у меня есть, милорд герцог, – Лэйси-Корт и дом на Олбермарл-стрит со всем, что там находится.

Было слышно, как в притихшей комнате кто-то шумно втянул воздух. Зрители обменялись взглядами.

– Со всем, что там находится? – спросил герцог, слегка выделив голосом последнее слово. – Со всем одушевленным и неодушевленным имуществом?

– Со всем, – последовал уверенный и твердый ответ.

Джек Фортескью передвинул свои столбики монет на середину стола.

– Милорд, едва ли эта сумма покроет мой проигрыш, – сказал он с легким сомнением и обвел взглядом комнату. – Во сколько мы оценим имущество графа, джентльмены? Если мне придется выплатить проигрыш в соотношении четыре к одному, я должен знать в точности, чем рискую.

– Будем считать, что все это стоит двести тысяч фунтов, – предположил Чарлз Фокс.

Будучи заядлым игроком, он уже проиграл все деньги до последнего пенни и одалживал у друзей с полной бесшабашностью, зная, что не сможет выплатить долга и что, в свою очередь, разорит многих своих кредиторов. Было вполне уместно, что такой человек имеет право высказаться о

сумме выплаты проигравшего.

– Это значит, что Джеку придется выплатить восемьсот тысяч фунтов.

В комнате воцарилась полная тишина – грандиозность суммы поразила всех. Даже для одержимых, смысл жизни которых – игра, было трудно смириться с мыслью, что в одну ночь можно проиграть и выиграть такое состояние. Глаза Фокса возбужденно заблестели в предвкушении дальнейших событий. Все взоры обратились к Сент-Джулзу, откинувшемуся на спинку стула и все еще лениво поглаживавшему ножку своего бокала. На губах его играла едва заметная улыбка, но глаза, остановившиеся на лице того, кто сидел напротив, были холодны как лед.

– Вы согласны с названными суммами, Лэйси? – Голос герцога был на удивление спокойным.

– А вы сможете выплатить такие деньги? – спросил граф, с раздражением уловивший предательскую дрожь в своем голосе.

– Вы сомневаетесь?

Вопрос был задан с безразличной уверенностью, не оставлявшей места для сомнений.

– Я принимаю условия.

Граф щелкнул пальцами, подавая знак лакею, и тот немедленно принес пергамент и письменные принадлежности. Слышен был только скрип пера графа, излагавшего условия договоренности. Закончив, он взял песочницу и осушил чер-

нила, после чего поднял со стола свое кольцо с печаткой. Лакей капнул воска на пергамент, а граф поставил подпись и прижал печатку кольца к теплому воску. Потом безмолвно подвинул документ герцогу, чтобы тот тоже подписал его.

Герцог огляделся, и взгляд его упал на Джорджа Кавену.

– Джордж, последишь, чтобы условия договора были соблюдены?

Джордж кивком выразил свое согласие и подошел к столу. Он взял документ, прочел его и сказал, что все в порядке. Его глаза на мгновение задержались на бесстрастном лице друга, будто он молча вопрошал его о чем-то. Потом он сложил документ и опустил его во внутренний карман сюртука.

Герцог отпил глоток вина и учтиво обратился к графу:

– Будьте так любезны назвать карту, милорд.

Лэйси облизнул губы быстрым и нервным движением, подался вперед, не сводя глаз с оставшихся карт, будто силился угадать, что в них, потом медленно произнес:

– Туз червей… десятка треф… пятерка пик.

Все затаили дыхание, и внезапное шипение свечи, стоявшей на низком буфете, прозвучало в мертвой тишине как раскат грома. Сент-Джулз взял и открыл первую карту. Он медленно перевернул ее – это оказался туз червей.

Нерушимая тишина, казалось, стала еще более непроницаемой и глубокой, если такое было возможно. Граф подался вперед еще немного, его взгляд неотступно следовал за движениями длинной белой руки, в то время как она под-

няла следующую карту. Лицо герцога по-прежнему оставалось бесстрастным. Он открыл карту. Это была пятерка пик. Граф упал в кресло. Глаза его были закрыты, лицо мгновенно осунулось и стало почти таким же белым, как тщательно завитые и напудренные волосы. Он не взглянул на последнюю карту. Теперь это было не важно. Пятерка пик лишила его выигрыша. Наконец он открыл глаза и посмотрел через стол на своего врага.

Сент-Джулз встретил его взгляд, но в его холодных серых глазах не отразилось ни удовлетворения, ни торжества.

– Итак, mon ami, – сказал он тихо, – цыплят по осени считают.

Граф со скрипом отодвинул стул, поцарапав полированный дубовый пол. Толпа игроков расступилась, пропуская его к французским дверям, открытым по летнему времени, чтобы смягчить жару, царившую в комнате. Он преследовал на небольшой балкон, выходивший на Сент-Джеймс-стрит. Тяжелые занавеси сомкнулись за ним.

Чарлз Фокс устремился за графом, внезапно издав восклицание, сделал шаг, но тут прогремел пистолетный выстрел. Фокс не успел даже дойти до двери. Он порывисто раздвинул портьеры и опустился на колени возле неподвижного тела Данстона. Не было никакой надобности щупать его пульс, потому что верхняя часть головы отсутствовала. Под тело уже натекла лужа крови. Она просачивалась сквозь перила балкона и капала вниз, на улицу.

Игроки толпились у двери, протискивались на балкон, склонялисьнад телом. Герцог Сент-Джулз, оставшийся в одиночестве, не спеша собрал карты, перетасовал их и положил в коробку.

– Что за дьявольские игры, Джек? – грубо спросил Джордж Кавена, входя в комнату.

– Игры окончены, Джордж, – ответил тот, пожимая плечами.

Он взял свой бокал и допил вино.

– Лэйси был трусом и умер смертью труса.

– А что еще ему оставалось, приятель? – поинтересовался Джордж. – Ведь ты его разорил.

– Он сам принимал решения, мой дорогой, он, а не я, – возразил его друг, слегка растягивая слова. – Он пошел на риск по доброй воле.

Герцог поднялся с места, и лакей поспешил помочь ему избавиться от байковой куртки – униформы всех профессиональных игроков. Он надел собственный сюртук малинового бархата поверх сапфирового жилета, снял с запястий нарукавники и отряхнул кружевные манжеты. За нарукавниками последовал кожаный козырек. Его черные, как ночь, волосы были связаны на затылке в хвостик сапфировой бархатной лентой. Поразительно контрастировавшая своей белизной прядь спускалась на широкий лоб, куда волосы ниспадали мыском. Джордж знал, что у Сент-Джулза эта белая прядь была всегда, что не облегчало ему жизнь в Вестминстерской

школе, где царили грубые и жестокие нравы. Но его сверстники и однокашники скоро убедились, что Джек Фортескью – крепкий орешек. Он дрался без зазрения совести, никогда не оставлял брошенного вызова без ответа и, как правило, выходил из любого побоища потрепанным, покрытым кровью, но победоносным.

И неизвестно, когда и при каких обстоятельствах Фредерик Лэйси, граф Данстон, и Джек Фортескью, герцог Сент-Джулз, стали смертельными врагами.

– Неужели это было так необходимо, Джек? – спросил Джордж напрямую.

Джек снова отряхнул кружевные манжеты на запястьях и оглядел их с критическим видом, будто был недоволен их состоянием.

– Это личное дело, друг мой, но поверь мне, что так было надо. Миру было лучше избавиться от такой канальи, как Фредерик Лэйси.

– Значит, теперь ты владеешь всем имуществом Лэйси, – заключил Джордж, выходя с ним вместе из комнаты. – Тебе принадлежит оно все, живое и неживое. И что ты собираешься делать со всем этим? С двумя домами, конюшнями, собаками, возможно, слугами и арендаторами… и… – На мгновение он замолчал, потом закончил фразу: – И конечно, с его сестрой?

Джек остановился на верхней площадке лестницы, ведущей на первый этаж.

– Ах да, – сказал он, – у него ведь есть сестра. Я и забыл о ней. – Он озадаченно покачал головой. – Непростительная оплошность при нынешних обстоятельствах.

– Каких обстоятельствах? – спросил Джордж, но ответом ему были только загадочная улыбка да пожатие плеч.

– Она ведь останется без гроша, – наседал Джордж, – если ей не досталось чего-нибудь от матери. Помнится, графиня умерла, когда ее дочь была еще ребенком.

– Да, кажется, так, – ответил Джек, сделав жест, будто отмахивался от неприятной мысли. – Дочери остались какие-то крохи, но ничего значительного.

И он направился вниз по лестнице.

Джордж последовал за ним, раздумывая, почему Джек так скрытен и несловоохотлив и столь равнодушен к судьбе незнакомой ему женщины, всего лишь раз появившейся в лондонском обществе, до того как удалиться на постоянное жительство в деревню. Он покачал головой, молча проклиная своего загадочного друга, проявившего столь очевидную бессердечность и черствость, шокировавшие даже самых циничных членов общества. Но он знал, что в нужде не было лучшего и вернейшего друга, чем Джек. Он готов был поделиться последним пенни с тем, к кому питал привязанность, он никогда не лгал и никого не обманывал. Но только глупец мог позволить себе выступить против него с мечом, лишь человек, не дороживший своей шкурой, мог позволить себе стать врагом Джека Фортескью.

– Так каковы твои намерения в отношении его сестры? – спросил Джордж, когда они вышли на улицу.

Уже три недели стояла сушь, и воздух стал тяжелым, будто его и не было вовсе, а от переполненных отходами контейнеров с мусором, как и от куч лошадиного навоза и человеческих экскрементов, несло душной гнилью и смрадом.

Джек остановился, повернулся к своему спутнику, и впервые за вечер на его полных чувственных губах появилась искренняя улыбка, осветившая и глаза.

– Ей ничего не грозит, мой дорогой, клянусь тебе. – Потом он похлопал Джорджа по плечу и сказал: – Прости меня, Джордж, мне надо побыть одному.

Джордж смотрел вслед удаляющемуся другу. Джек держал руку на рукоятке шпаги и насвистывал какой-то немудрящий мотивчик, но глаза его были внимательными и зоркими и не упускали из виду ни одной тени, гнездящейся в темных закоулках узких и опасных городских улиц и тупиков.

Джордж пожал плечами и вернулся в «Брукс». Там еще оставались дела, требовавшие его внимания, – ведь нынче ночью умер человек.

Арабелла Лэйси была поглощена уходом за своими драгоценными орхидеями. Она занималась ими в оранжерее в задней части дома и не слышала ничего – ни прибытия гостя… ни стука лошадиных копыт по гравийной подъездной аллее, ни скрипа колес экипажа, запряженного четверкой лошадей, ни окрика форейтора, призывавшего грума, ни гром-

кого стука тяжелого дверного молотка в форме львиной головы в парадную дверь.

Она была так увлечена своим делом, что даже упустила момент, когда ее собаки вскочили с нагретого солнцем места в углу оранжереи и бесшумно выбежали через застекленную дверь в задний холл, где остановились, как часовые, – уши торчком, пушистые хвосты подняты. Она не слышала, как отворилась дверь, потому что в эту минуту осматривала листья одного из своих редчайших экземпляров, хмурясь при виде черной точки, появившейся на листе растения.

– Прошу простить мое вторжение, мадам.

При звуке мягкого негромкого голоса, слегка растягивавшего слова, Арабелла вздрогнула и уронила секатор, который держала в руках. Она обернулась, сделав резкое движение, и поднесла руку к горлу.

– Вы меня напугали, – сказала она несколько раздраженно, что было совсем неуместно.

– Да, понимаю. Прошу меня простить, но я не знал, как еще заявить о своем присутствии.

Ее гость сделал несколько шагов по оранжерее, и она заметила со смешанным чувством удивления и раздражения, что каждая его рука покоится на голове ее двух рыжих сеттеров и что они послушны ему не меньше, чем ей самой. Борис и Оскар, как правило, относились к незнакомцам крайне подозрительно, и обычно можно было не сомневаться, что они поднимут тревогу при появлении любого гостя, даже знако-

мого, а уж чужака и подавно. Точно так же вел себя и Франклин, ее дворецкий. Куда же он подевался нынче утром?

Она разглядывала визитера с нескрываемым любопытством. Его ненапудренные волосы были повязаны на затылке черной лентой, и с минуту она не могла отвести взгляда от ослепительно белой пряди, спускавшейся мыском на широкий лоб. Он был одет в костюм для верховой езды и в одной руке держал треуголку, обшитую золотым кантом, а в другой – хлыст с серебряной рукоятью, которым постукивал по икре ноги, обутой в сапог. На нее бестрепетно смотрели ясные и очень проницательные серые глаза.

– Не думаю, что мы знакомы, сэр, – сказала Арабелла с некоторым высокомерием.

Она вопросительно склонила голову к плечу и с неудовольствием почувствовала, что на лбу у нее капельки испарины, а волосы прилипли к голове влажными прядями. В оранжерее было жарко и влажно.

Гость изящно поклонился. При этом полы его черного бархатного сюртука взметнулись.

– Джек Фортескью к вашим услугам, миледи.

Он выпрямился и протянул ей руку приветственным жестом.

Арабелла невольно посмотрела на собственные руки. Она не снисходила до того, чтобы надевать перчатки во время садовых работ, и под ногтями у нее скопилась грязь. Поэтому протянутой руки не приняла и только присела в реверансе,

сожалея о том, что на ней вытертое до основы муслиновое платье, настолько выцветшее, что о его исходном цвете остались одни воспоминания. Она чувствовала себя неловко в присутствии этого лощеного, безупречно одетого незнакомца. Но имя вызвало смутные воспоминания.

– Ваша светлость Сент-Джулз? – спросила она.

– Он самый, мадам.

Он снова отвесил поклон, поднял оброненные ею инструменты и положил на стол на козлах.

– Боюсь, что сейчас моего брата нет дома, – сказала она. – Думаю, вы найдете его в Лондоне.

Ей показалось, что это сообщение не вызвало у него интереса. Он только заметил:

– Орхидеи прекрасны.

– Да, это что-то вроде хобби, – ответила Арабелла.

Если он не собирается немедленно сообщить ей причину своего появления, то черта с два она проявит хоть малейшее любопытство. Она щелкнула пальцами, подзывая собак, неохотно, как ей показалось, оставивших герцога и теперь послушно устроившихся у ее ног.

– Красивые собаки, – сказал он.

– Да, – согласилась Арабелла.

Она отвела со лба влажную прядь волос и осознала, что лицо ее неподобающе раскраснелось от жары.

– Может, нам перейти в более прохладное место? – предложил он заботливо. – Похоже, что вы… гм… немного раз-

горячились, если позволите мне так вольно выразиться.

– Я работаю на палящем солнце в оранжерее, а сейчас середина августа, – огрызнулась она.

У него ни один волосок не выбивался из прически, а кружевные манжеты оставались сильно накрахмаленными и, казалось, только что вышли из-под утюга, хотя он стоял под стеклянным потолком оранжереи, куда прямо падали ослепительные лучи.

Он наклонил голову, отступил к двери, открыл и придержал ее для Арабеллы. Она проскользнула мимо, уловив запах хорошо отглаженного льна и лаванды. Испустив невольно вздох облегчения в относительной прохладе холла с полом, выложенным каменными плитами, Арабелла подумала, что взяла на себя роль грума. Собаки, тяжело дыша, бросились на каменные плиты.

– Все ли в порядке, миледи? – спросил появившийся из тени и несколько обеспокоенный дворецкий. – Я объяснил его светлости, что лорда Данстона нет, а вы заняты, но…

Он не закончил фразы, но было ясно, что герцог Сент-Джулз не дал ему возможности выполнить свои обязанности должным образом.

– Откровенно говоря, Франклин, я не вполне понимаю, в чем дело, – ответила Арабелла, бросив взгляд на гостя. – Может быть, вы проводите его светлость в гостиную? Я уверена, что в такую жару он не откажется от кружки эля, а я бы попросила подать кувшин лимонада… Простите меня, ми-

лорд герцог, я присоединюсь к вам через несколько минут. – Поколебавшись, она добавила: – Если, конечно, вы не пожелаете изложить свое дело немедленно. Я полагаю, что ваш лестный визит вызван какой-то особой причиной. Нельзя ли сказать о ней в нескольких словах?

Его губы тронула одобрительная улыбка, на мгновение она коснулась и глаз. Он явно различил вызов в ее тоне.

– Боюсь, что не удастся завершить дело так быстро, миледи, – ответил он. – Я вас подожду.

Озадаченная и заинтригованная его ответом, Арабелла нахмурилась и безошибочно почувствовала недоброе. Потом, едва заметно пожав плечами, она щелкнула пальцами, призывая собак, повернулась и направилась по черной лестнице к себе в спальню. Борис и Оскар следовали за ней по пятам.

– Принеси мне горячей воды, Бекки, – попросила она горничную, стягивая влажную липкую ленту с волос. – У меня грязные руки, а в гостиной ждет герцог.

– О да, миледи, мы все об этом знаем, – ответила горничная, не пытаясь скрыть любопытства. – Выдумаете, это весточка от его сиятельства милорда?

– Думаю, да, – с отсутствующим видом ответила Арабелла, подходя к зеркалу на туалетном столике. – Я слышала, как мой брат говорил о герцоге.

Арабелла мрачно смотрела на свое отражение. Выглядела она еще хуже, чем думала. Ее лицо украшали потеки грязи

пополам с потом, а спутанные волосы походили на кошму.

– Поспеши с водой, Бекки… но сначала расстегни мне платье. – Она подставила горничной спину, и проворные пальцы девушки запорхали по пуговицам. – Благодарю… а теперь воды.

В нижней юбке Арабелла села на пуф и принялась расчесывать щеткой массу своих темно-каштановых кудрей. Ее брови сошлись над переносицей в глубокой задумчивости. Фредерик и вправду не раз упоминал имя Джека Фортескью, герцога Сент-Джулза, но всегда с неприязнью. Однако, размышляла она, правдой было и то, что ее единокровный братец жаловал немногих и, насколько она уловила во время своего единственного появления в лондонском свете, эти чувства обычно бывали взаимными. По правде говоря, она и сама его недолюбливала. В лучшем случае его можно было бы назвать слабым и злым, и он ничего не делал, чтобы завоевать ее сестринскую любовь.

Но совершенно непонятно, какое дело могло привести герцога Сент-Джулза в Лэйси-Корт, находящийся в тридцати милях от Лондона, среди вишневых садов Кента.

Вернулась Бекки с кувшином горячей воды и вылила ее в таз. Арабелла вымыла лицо, провела влажной губкой по рукам и шее, а щеткой для ногтей – по пальцам.

– Принеси, пожалуйста, Бекки, яблочно-зеленое утреннее платье… то, из индийского шелка… Для корсета и кринолина слишком жарко.

Ее гость, элегантный в своем черном бархатном сюртуке и бриджах, носил волосы непудреными и не надел парика, что было необычно для светского утреннего визита.

– Нынче утром мои волосы в ужасном состоянии, – пожаловалась Арабелла, сражаясь с непокорными локонами. – От влажного воздуха оранжереи они спутались и вьются.

– О, предоставьте это мне, миледи.

Бекки взяла щетку и принялась ловко орудовать ею, расчесывая длинные темные волнистые пряди, кольцами окружавшие лицо ее госпожи.

– Если вы наденете этот прелестный французский чепчик, все будет идеально, – объявила она, прикалывая белый, отделанный кружевами чепчик на темя хозяйки. – Вот так.

Она отступила, чтобы полюбоваться плодами своих трудов.

– Ты просто творишь чудеса, Бекки, – заявила Арабелла.

Она встала и шагнула в простое шелковое утреннее платье, которое горничная держала перед ней наготове, прыснула духами на внутреннюю поверхность запястий, локтей и за ушами. Она не вполне понимала, почему это делает ради нежданного гостя. Ее не покидало нехорошее предчувствие, и казалось уместным выглядеть достойно во время предстоящего разговора.

Она спустилась по лестнице, осознав, что предоставила гостя самому себе более чем на полчаса. Когти ее рыжих сеттеров, следовавших за ней, застучали по навощенному полу.

Спускаясь по елизаветинской лестнице, она заметила Франклина, маячившего в парадном холле.

– Его светлость в библиотеке, миледи. Он предпочел ее гостиной.

Тон дворецкого был беспомощным и виноватым.

Арабелла нахмурилась. Обычно гости не отвергают распоряжений хозяев и не бродят по дому в поисках более предпочтительного места. Она сочла такое поведение грубым и дерзким и попыталась угадать, что за человек расположился под ее кровом. И от этих мыслей усугубилось нехорошее предчувствие.

– Ты подал ему эль?

– Он попросил бургундского, мадам. Я принес ему графин. И кувшин лимонада для вас.

Арабелла кивнула и направилась через холл в библиотеку. Эта комната была много меньше парадной гостиной. Она была темнее и интимнее. В ней пахло книгами, старой кожей и пчелиным воском.

Его светлость Сент-Джулз стоял у окна, выходившего в боковую часть сада. В руке он держал бокал с вином. Его треугольная шляпа и хлыст были беспечно брошены на сиденье стула, и впервые Арабелла заметила тонкую прямую рапиру в ножнах, прикрепленную на боку. Это было не парадное, а повседневное оружие. По спине у нее побежали неприятные мурашки.

Когда она вошла с собаками, бежавшими впереди, он

обернулся.

– Ваше увлечение орхидеями распространяется на садоводство вообще?

Она тихо закрыла за собой дверь и ответила:

– Да.

– Сразу ясно, если у кого-нибудь есть вкус к ландшафтному садоводству, – заметил он с улыбкой, отходя от окна и усаживаясь на стул без подлокотников, у пустого незажженного камина. – Сад камней великолепен.

– Благодарю вас, – ответила она просто, наливая себе лимонад из кувшина, стоящего на маленьком золоченом столике. – Как вы находите вино?

– Прекрасная выдержка, – ответил гость. – Ваш брат держал замечательный погреб.

Ее рука замерла в воздухе, не донеся бокал до рта:

– Держал?

С минуту он смотрел на нее, потом тихо ответил:

– Боюсь, что я принес вам скверные вести, леди Арабелла.

Она не сразу нашлась что ответить. Поставила на стол стакан с лимонадом, из которого так и не сделала ни глотка, бессознательно скрестила руки и обхватила локти, глядя перед собой.

Джек ждал, наблюдая за ней, пока она переваривала это сообщение. Он поймал себя на том, что разглядывает колечки волос, обрамляющих ее лицо. Они были богатого оттенка шоколада, а ее глаза – золотисто-карими и завораживающи-

ми. Он так и не мог решить, какие они больше – золотистые или карие. Кожа ее была цвета густых сливок. Но несмотря на столь соблазнительные краски, она не была ни красивой, ни хорошенькой, ни даже импозантной в привычном смысле слова. Она уже переступила за предел нежного возраста. Лицо ее было уж очень энергичным и непреклонным. Высокие скулы, четко очерченный волевой подбородок и орлиный нос доминировали в нем. Ее темные брови были гуще, чем требовала мода, а губы слишком полными, и уголки рта чуть приподняты.

Наконец она уронила руки, и они упали по бокам ее тела.

– Как он умер?

Сначала прямота ее вопроса изумила его, но он быстро решил, что удивляться не стоит. У него создалось впечатление, что Арабелла принадлежит к типу женщин, не привыкших избегать неприятностей или ходить вокруг да около.

– От своей собственной руки, – ответил Джек, стараясь сохранять хладнокровие.

Теперь ее взгляд был устремлен в себя самое. Она не была потрясена безвременной кончиной Фредерика. Арабелла всегда считала такую смерть неизбежным следствием его образа жизни, склонности к дебоширству и предпочтению, которое он оказывал людям определенного круга. Она видела, какими агрессивными они становятся в подпитии, а трезвыми их можно было встретить редко. Он мог умереть от пьянства или в результате какой-нибудь фатальной стычки, и ее

это не удивило бы. Но самоубийство? Она не думала, что ее единокровный брат был способен на такое.

– Почему он это сделал? – спросила она задумчиво.

– Он проиграл все, что имел.

– Все? – Она закусила нижнюю губу.

– Боюсь, что так.

Ее ноздри расширились, и она дотронулась до губ кончиками пальцев. Это объясняло подобную смерть. Арабелла знала своего брата. Вероятно, Фредерик мог жить обесчещенным, но не сумел примириться с мыслью о бедности. Она попыталась найти в своем сердце сострадание к нему и не смогла, осознав в ту же минуту, насколько мрачное будущее ее ожидает. Конечно, Фредерик оказался верен самому себе и даже мимоходом не подумал о сестре.

Она холодно созерцала этого вестника судьбы. Лицо его было бесстрастным, но серые глаза внимательно следили за ней. Почему этот человек решил сообщить ей новость? Он ведь не был ни другом, ни приятелем Фредерика.

Это было очевидно. Она сказала:

– Как я понимаю, Фредерик проиграл свое имущество, а вы, ваша светлость, его выиграли?

– Ваше предположение правильно.

Он сунул руку в карман сюртука и извлек из него документ, который ее брат начертал на столе для игры в фараон. Сент-Джулз поднялся со своего стула и передал бумагу ей.

Арабелла взяла ее, развернула документ, потом обратила

лицо к гостю и сухо сказала:

– Примите мое поздравление, ваша светлость. Когда мне покинуть мой дом?

Он снова сунул бумагу во внутренний карман сюртука и спокойно ответил:

– Как это ни смешно, дорогая, но я пришел сюда не для того, чтобы обездолить вас. Я намерен предложить вам свое покровительство.

На ее губах появилась слабая недоверчивая улыбка, а в голосе прозвучало презрение, когда она заговорила:

– Карт-бланш… ваша светлость… как это любезно с вашей стороны. Но боюсь, мне придется отклонить ваше благородное предложение.

Он протестующе поднял руку и покачал головой:

– Не делайте необоснованных выводов, леди Арабелла. У меня уже есть любовница, и я вполне удовлетворен ею, мне нет нужды заводить другую. Однако мне нужна жена.

ГЛАВА 2

Арабелла рассмеялась. Это был спонтанный взрыв искреннего веселья, так же сильно удивившего ее самое, как и герцога. Он смотрел на нее, лишившись дара речи. Его редко можно было привести в замешательство, но это был как раз такой случай.

Наконец Арабелла перестала смеяться и быстро отрезвела, поняв, что в ее веселости было нечто от истерики.

– У вас необыкновенное чувство юмора, милорд герцог. И, если позволите заметить, весьма неуместное в настоящих обстоятельствах. Принести весть о смерти брата и тотчас же позволить себе пошутить, предложив мне брак! В высшей степени оригинально!

– Это вовсе не шутка, – возразил он смущенно.

Теперь наступила очередь Арабеллы вытаращить глаза.

– Вы не можете говорить серьезно. По вашему собственному признанию, вы довели моего брата до самоубийства, а теперь предлагаете мне выйти за вас замуж?

Джек пригубил вино, пытаясь восстановить спокойствие, пока обдумывал ответ.

– Рассматривайте мое предложение как некую форму компенсации, – сказал он наконец, и тон его был сдержанным и взвешенным. – Конечно, я повинен в том, что лишил вас покровительства брата, и потому предлагаю свое. Разу-

меется, это будет брак по расчету, но предложение вполне обычное и достойное. Я надеялся, что вы осознаете его преимущества, прежде чем потешаться над ним.

На этот раз она не засмеялась. Губы ее сжались, а глаза засверкали гневом. Собаки, развалившиеся на ковре, тотчас же встали и навострили уши, заметив настороженное выражение глаз герцога. Арабелла успокаивающим жестом погладила их по головам. Потом сказала с ледяным сарказмом:

– Какая забота с вашей стороны, сэр. Может быть, вы извините меня, если мне не удастся увидеть вашими глазами преимущества брака с совершенным незнакомцем, оказавшимся, однако, способным довести человека до самоубийства, чтобы завладеть его состоянием. Вы должны также понять, что я не столь уж жалкое существо, чтобы претендовать на покровительство любого представителя мужского пола. Возможно, это вас удивит, милорд, но есть женщины, способные полагаться на собственные силы.

Она сжала руки жестом, означавшим окончательность и непреклонность.

Герцог в ответ только глотнул вина и молча посмотрел на нее. Арабелле показалось, что он рассчитывает на ее благоразумие и на то, что она непременно изменит свое решение и пожалеет об опрометчиво сказанных словах. И потому, должно быть, он готов предоставить ей время взять их назад во зрелом размышлении. Его тяжелые веки придавали ему вид человека праздного и вялого, если бы не пронзительный

взгляд серых глаз. В их выражении было нечто будоражащее, намекающее на опасность. Впечатление угрозы усугубляли смоляные брови и одинокая белоснежная прядь среди черных волос, спускавшаяся на широкий лоб.

– Мне достаточно часа, чтобы приготовиться к отъезду, – сказала Арабелла ледяным тоном. – Я не смогу сегодня вывезти все свое имущество, но попрошу Франклина подержать мои вещи некоторое время на чердаке, пока не устрою свои дела, и тогда пришлю за ними. Думаю, вас это удовлетворит, ваша светлость.

– Нет, – возразил он, – никоим образом. – Он снова повернулся к графину и наполнил бокал. – У меня нет ни малейшего намерения выбрасывать вас из дома. Оставайтесь здесь сколько угодно.

Она нахмурилась:

– Не понимаю. Вы позволите мне остаться здесь?

Он снова повернулся к Арабелле. Улыбка, сверкнувшая в серых глазах, преобразила его лицо. И теперь она не находила ничего устрашающего ни в его черных бровях, ни в белой пряди волос.

– Разумеется. Я не такой людоед, каким кажусь вам, леди Арабелла.

Его улыбка была заразительной, и лицо ее смягчилось. Скорее всего, она неправильно судила о нем, ведь он признался в содеянном. Но каковы бы ни были ее отношения с Фредериком, как-никак он был ее единокровным братом.

Этот человек не мог знать о том, что их равнодушие друг к другу порой граничило с прямой враждебностью. Но то, как он рассказал ей о смерти Фредерика, в лучшем случае можно было назвать пренебрежительным и небрежным, в худшем – черствым и жестоким. Он ни на секунду не задумался о ее чувствах. И все же эта его улыбка намекала на то, что в характере этого человека есть и другие, более привлекательные черты.

Арабелла предпочла выбрать нейтральный тон:

– Простите меня, если я покажусь вам невежливой, герцог. Ваша новость вызвала у меня шок. Но мне следует поблагодарить вас за ваше предложение.

Он поклонился:

– Для меня это удовольствие, мадам.

Он потянулся, взял ее руку, поднес к губам и легонько дотронулся ими до ее кожи. В соответствии со светскими правилами губы мужчины не должны были коснуться ее, учитывая краткость знакомства. Достаточно было поцеловать воздух над тыльной стороной ее ладони, но Арабелла решила, что сейчас неподходящий момент для того, чтобы придерживаться столь строгих правил. Если он готов был позволить ей остаться в доме, до тех пор пока она не подготовится к отъезду должным образом, имело смысл бытье ним любезной.

– Позвольте мне предложить вам поесть, прежде чем вы вернетесь в Лондон, – сказала она, убирая руку, как только

он ее выпустил из кончиков пальцев. – Уже почти полдень, а вы, должно быть, рано встали нынче утром.

– Я выехал на рассвете, – ответил он непринужденно. – Но в Лондон возвращаться не собираюсь, мадам.

– О? – Ее красиво очерченные брови недоуменно поднялись. – Значит, в Кенте у вас есть друзья?

Он покачал головой, и глаза его так ярко блеснули, что по коже ее снова побежали мурашки в предчувствии неизвестной опасности.

– Нет, – ответил он. – Но у меня есть дом в Кенте и, похоже, очень славный. – И он сделал жест, охвативший все, что их окружало. – Я намерен остаться надолго. Мне надо обсудить дела с управляющим, я надеюсь повидать арендаторов и, разумеется, познакомиться с прислугой. Вы согласитесь, конечно, что в летнюю жару в деревне гораздо приятнее, чем в Лондоне.

Пол под ногами Арабеллы закачался, как зыбучий песок.

– Похоже, я очень несообразительна, – выговорила она медленно. – Должно быть, это от жары. У меня создалось впечатление, что вы дали мне разрешение остаться здесь до тех пор, пока я не устрою свои дела.

Он поклонился:

– Это так. Вы можете здесь оставаться столько, сколько вам будет угодно.

– И… простите меня, должно быть, в этом вопросе я проявляю особенную недогадливость… вы собираетесь остать-

ся под одной крышей со мной? – Снова ее брови взметнулись вверх.

– Разумеется, миледи. И вы прекрасно оценили ситуацию.

Он улыбнулся непринужденно и дружески, и на этот раз ей показалось, что его улыбка не таит ни малейшей угрозы. И снова в ее золотистых глазах загорелся гнев.

– Вам, очевидно, нравится дурачить меня, герцог. И я не приложу ума, что я такое сделала, чтобы заслужить это. Прошу прощения.

Она направилась было к двери.

Джек опередил ее и положил руку на косяк. Обе собаки заворчали, шерсть у них на загривках поднялась дыбом.

– Успокойтесь. Сидеть, – приказал он им.

К досаде Арабеллы, они послушались, хотя не спускали с него глаз.

– Я вовсе не дурачу вас, Арабелла, – сказал он. – Поверьте, я никогда не позволил бы себе ничего подобного. Вы ведь делили этот дом со своим единокровным братом. Разве не так?

Она решила не обращать внимания на его фамильярное обращение, как и на его летучий поцелуй, и скрестила руки на груди, показывая, что вполне владеет ситуацией и ничто не может ее поколебать и сбить с толку. На самом деле каждая клеточка тела и ее нервы были напряжены до предела. Она была готова действовать, что бы ни уготовила ей эта странная встреча.

– Он нечасто навещал этот дом, – ответила Арабелла, невольно припоминая те ужасные случаи, когда Фредерик заявлялся с шумной компанией дебоширов и завладевал всем домом.

Из чистого чувства самосохранения она удалялась в свои комнаты и не выходила из них до их отъезда.

– И никто не находил в этом ничего неподобающего, – подытожил он.

– Разумеется, нет, – нетерпеливо ответила Арабелла. – Фредерик – мой брат, и я зависела от него, потому что он был моим покровителем.

«Или потому, – мрачно добавила она мысленно, – что мне приходилось терпеть все неприятности в силу моего положения».

– Но теперь я занял место Фредерика, – заметил герцог. – Ваш брат оставил вас на мое попечение. – Он постучал ногтем по карману, в котором лежал документ, подписанный и заверенный во время игры в фараон. – Здесь ясно сказано, что граф Данстон передает мне свои обязательства, как и свое имущество и доходы. – Его губы слегка изогнулись в улыбке: – А вас, леди Арабелла, я считаю его ценным имуществом.

Лицо Арабеллы продолжало хранить каменное выражение, и его выжидательная улыбка испарилась. Джек не имел склонности расточать свое обаяние попусту. Он хладнокровно продолжил:

– Я считаю, что в результате всего этого вы поступаете под мою ответственность и защиту. Я оказался на месте вашего брата. Если никто не возражал против вашего совместного проживания с Фредериком под одной крышей, как можно осуждать то, что вы будете находиться под покровительством человека, который его заменит?

Эта абсурдная логика поразила Арабеллу. Ее глаза стали круглыми, со странным придушенным звуком она отвернулась от него и подошла к окну. Так она и стояла, поглаживая одной рукой губы и глядя на свой любимый сад. Внезапно Джек заметил, что ее плечи сотрясаются. Он в несколько шагов преодолел разделявшее их пространство.

– Арабелла?

Она обернулась, и он с изумлением увидел, что она трясется от смеха, а глаза ее сверкают, как топазы.

– Ясно, – сказала она, – что вы не имели удовольствия встречаться с леди Эслоп.

Он покачал головой, и в его глазах отразилось ответное веселье, хотя он понятия не имел, что рассмешило ее.

– Нет, я не имел такого удовольствия. И много ли от этого потерял?

– Леди Эслоп – жена виконта Эслопа из Эслоп-Мэнор. – торжественно сообщила Арабелла. – Она дама последовательная, и ей свойственна несокрушимая добродетель. Она арбитр в вопросе моды и поведения в свете, и это известно на двадцать миль вокруг. И никто бы не решился с легко-

стью пренебречь ее мнением и навлечь на себя неудовольствие этой леди.

Джек неторопливо кивнул, и глаза его заблестели еще ярче.

– Я уловил неодобрительную нотку в вашем голосе, мадам. Может, упомянутая вами дама уж слишком высоко оценивает свое значение в обществе?

– Вы поняли меня верно. Лавиния Эслоп – дочь деревенского стряпчего, но старается замаскировать свое далеко не аристократическое происхождение, всячески демонстрируя свое значение. Путем запугивания она добилась лидерства в обществе нашего графства. – Теперь в голосе Арабеллы звучала презрительная усмешка. – Как только она услышит о смерти Фредерика и вашем прибытии в Лэйси-Корт, тотчас же явится ко мне. Это минутное дело. Я ожидаю ее визита самое позднее завтра утром.

– Я горю нетерпением познакомиться с ней и объяснить положение дел, – ответил Джек серьезно.

Арабелла не могла больше сдерживаться. Она обладала особым чувством юмора, которое обычно проявлялось в самый неподходящий момент. Возможно, сейчас как раз и наступил такой, и она не сумела сдержать веселья. Она одна могла стать достойной противницей Лавинии Эслоп… но в содружестве с герцогом Сент-Джулзом… О, это была бы королевская битва!

– А знаете, – сказала она, против воли улыбаясь, – пожа-

луй, мне даже хочется согласиться с вашим планом, хотя бы для того, чтобы увидеть выражение ее лица, когда вы будете ей объяснять, что нет ни малейшей разницы между покровительством, оказываемым одинокой женщине братом или посторонним мужчиной, и совершенно безразлично, делить кров с ним или с вами.

– Ну так? – Он развел руками, приглашая ее к совместным действиям.

Она заколебалась, когда внезапно на нее обрушилась реальность со всеми возможными последствиями случившегося. Ей вовсе не хотелось оставлять свой дом, сад, орхидеи, по крайней мере покидать это все так внезапно. Орхидеи требовали ежедневного внимания, хотя Уивер, главный садовник, будет следовать ее инструкциям, и с некоторой долей любовного внимания это могло помочь их процветанию. Она знала, что ее всегда с распростертыми объятиями примут у Барретов. Мэг Баррет была ее самой дорогой и близкой подругой с раннего детства, а сэр Марки леди Баррет всегда обращались с Арабеллой как с дочерью. Но это было бы всего лишь временным решением вопроса. Их средства были весьма скромными и все больше истощались. Была еще усадьба викария. Дэвид и его жена на некоторое время примут ее с радостью, но при наличии шестерых детей, постоянно вертящихся под ногами, едва ли у них было лишнее место для гостей. Кроме того, мысль о скитаниях по друзьям в поисках приюта вызывала у нее неприятие.

Беспощадная честность заставляла ее признать, что поиски решения в случае, когда она внезапно лишалась дома, должны были потребовать некоторого времени и, несомненно, вынуждали к компромиссам. У нее были дальние родственники матери в графстве Корнуолл, но после ее смерти их общение ограничивалось краткими официальными контактами. Им пришлось бы писать письма… письма с просьбами. Арабелла поморщилась.

Джек стоял, опираясь широкими плечами о каминную полку, и наблюдал за ней. У Арабеллы было очень подвижное лицо, и ему не составляло труда разгадать ее мысли и даже их последовательность. Он ожидал, что Фредерик и его сестра окажутся внешне похожими, но не мог обнаружить ничего свидетельствовавшего об их кровном родстве. Он почти надеялся, что сходство окажется разительным. И тогда ему было бы просто держаться на расстоянии от нее и соблюдать чисто прагматические условия в предложенных им взаимоотношениях. Но, к своему удивлению, он испытал скорее облегчение, чем страх, обнаружив ее полное несходство с единокровным братом. А это, подумал он, не самая разумная реакция.

Эти размышления подвигли его на то, чтобы издать довольно резкое восклицание.

– Ну? – спросил он снова.

Она очнулась от своих мыслей, вздрогнув, оттого что он так внезапно их прервал. Теперь его лицо оказалось в тени,

и это пригасило блеск в его глазах, придав им оттенок олова. Они стали жесткими и холодными и неприятно проницательными. И вдруг, будто он почувствовал, что она подглядела это его выражение, ничуть не согласующееся с его целями, его лицо изменилось. Герцог улыбнулся, и глаза его снова заискрились.

– Ну же, Арабелла, давайте вместе потешимся над леди Эслоп. Будь я вашим опекуном, не было бы ни слова сказано о неуместности нашего проживания в одном доме. В усадьбе полно людей, способных засвидетельствовать ваше благонравие, – экономка, горничные и… может быть, у вас есть старая няня?

– Я уже давно перешагнула тот рубеж, когда требуются опекуны или даже дуэньи, герцог, – напомнила она. – Мне двадцать восемь, я уже почти в маразматическом возрасте, и пора меня положить на полку.

Она казалась настолько удовлетворенной таким описанием собственной личности, что он не смог удержаться от смеха.

– В таком случае, дорогая, вы вполне способны принимать решения самостоятельно. Если сочтете, что в этом предложении нет ничего непристойного, кто сможет вам воспрепятствовать?

– Леди Эслоп, – возразила она поспешно и добавила многозначительно: – Но раз уж я перешагнула брачный возраст, моя репутация значения не имеет.

Она быстро соображала. Такое решение было необычным, но она ведь никогда и не была последовательницей и рабыней заурядных решений. В доме были свидетели ее беспорочного стародевского существования, и он был достаточно обширен для того, чтобы там могли жить два человека, не попадаясь друг другу на глаза, если бы им не захотелось видеться. Она могла просто вести себя так, как вела себя во время наездов Фредерика, и оставаться в собственных комнатах.

Арабелла пожала плечами:

– Предоставим кошкам сплетничать сколько угодно. Но вы можете не сомневаться, милорд герцог, что я никогда не посягну на ваше время и внимание. Я немедленно примусь за приготовления. Это, вероятно, займет несколько недель… Теперь письма идут так медленно. – Она повернулась было к двери, потом осознала некоторые неудобства нынешней ситуации. В ближайшие недели она в еще большей степени их почувствует, печально размышляла она, пытаясь примириться с реальностью. – Так как моего брата больше нет, не будете ли вы так любезны, ваша светлость, отправлять мои письма?

– Вы всегда можете рассчитывать на мою помощь.

– Благодарю вас, – с полной искренностью ответила Арабелла.

Она взялась за ручку двери. Собаки выжидательно смотрели на нее и жались к ее ногам.

– Не могу ли я еще немного злоупотребить вашим вниманием и временем? – спросил Джек.

Она обернулась, все еще держась за ручку уже открытой двери.

– Чего вы хотите, сэр?

Джек ответил непринужденно, следуя ее примеру, не придерживаясь церемоний:

– Я не знаю дома, мадам. Может быть, вы покажете мне мои комнаты? Моих лошадей следует поместить в конюшню, грумам и кучеру показать, где они будут ночевать, познакомить моего личного слугу с экономкой и дворецким.

– Я уверена, что ваших лошадей расседлали и отвели в конюшню, герцог, – сказала Арабелла. – В моем доме хозяйством… – Она умолкла и исправила свою ошибку, сделав особое ударение на слове «хозяйством»: – Хозяйством ведают Франклин и миссис Эллиот. Не думаю, что у вас будут основания для жалоб.

– Я и не ищу повода для недовольства, – мягко возразил он. – Я только попросил показать мне дом. И может быть, сегодня днем мы с вами проедемся верхом и вы покажете мне имение.

Эти планы никак не согласовывались с ее представлениями о сохранении дистанции между двумя людьми, вынужденными жить в одном доме. И в этот вопрос следовало внести ясность с самого начала. Она ответила холодно:

– Миссис Эллиот покажет вам дом, а Франклин пошлет

весточку Питеру Бэйли, управляющему, чтобы он прибыл нынче днем. Он покажет вам амбарные книги и проведет вас по имению, а также ответит на все вопросы, которые могут у вас возникнуть.

– Понимаю. – Он отстранился от каминной полки. – Полагаю, вы мало что знаете об управлении имением.

Как он и ожидал, это его замечание вызвало у нее румянец, окрасивший ее высокие скулы.

– Напротив, – возразила она, – это мой брат не проявлял интереса к делам в усадьбе. Я же работаю в тесном контакте с Питером… – Она умолкла, осознав, в какую ловушку он так умело заманил ее. – Уверена, что от Питера вы получите все необходимые сведения. А у меня сегодня много дел… Я буду готовиться к отъезду.

– Ах да, – кивнул он, соглашаясь. – Может, вы уделите мне сейчас хоть несколько минут, покажете мои комнаты…

Арабелла хотела было возразить, но не посмела проявить такую неучтивость. Она ведь была здесь хозяйкой. Очень неприятно показывать новому владельцу дом, где она прожила всю жизнь и после смерти отца всегда считала, что в первую очередь он принадлежит ей, несмотря на то, что официально его собственником был Фредерик. Но просьба герцога была вполне обоснованной. Он изо всех сил старался убедить ее, что печется о ее интересах, но она не могла отделаться от подозрения, что Сент-Джулз не имел намерения делать ей что-либо приятное.

Ее снедали сомнения. Не играет ли она с огнем? Но если это и так, сказала она себе твердо, она достаточно умна, чтобы не обжечься. К тому же был ли у нее выбор?

Она отрешенно улыбнулась ему:

– Разумеется, сэр. Следуйте за мной. – И, сопровождаемая собаками, вышла из библиотеки.

Холл с квадратными потолочными балками был пуст, хотя у Арабеллы возникло ощущение, что за ними исподтишка внимательно наблюдают. В воздухе повисло почти осязаемое ощущение чего-то мрачного, и каждый из слуг хотел бы знать, что происходит. Она поговорит с Франклином и миссис Эллиот, после того как выполнит неприятную обязанность по отношению к новому владельцу Лэйси-Корт. Арабелла поднялась на верхнюю ступеньку лестницы и тотчас же заметила, что герцог не следует за ней. Она посмотрела через плечо. Он стоял в дверном проеме в желтом пучке света, падавшего сквозь открытую дверь на вощеный дубовый пол.

– Похоже, что о моих людях и лошадях позаботились, – заметил он, возвращаясь в холл.

– Неужели вы в этом сомневались? – отрывисто спросила Арабелла. – Я ведь вас заверила, что это будет сделано.

– Да, вы так сказали, – согласился герцог с беззаботной улыбкой. – Но я всегда предпочитаю все проверять лично.

«В таком случае надо тотчас же бежать с криками восторга в объятия моих корнуоллских родственников», – мрачно подумала Арабелла.

– Не займете ли вы комнаты брата, герцог? – Она силилась говорить нейтральным тоном, будто эта тема не представляла для нее ни малейшего интереса.

– Они принадлежат хозяину дома?

– Да, – проронила она, не разжимая губ.

– В таком случае это было бы самым лучшим, – ответил он любезно, направляясь через холл к лестнице быстро и непринужденно, походкой крадущегося ягуара. В его серых глазах время от времени посверкивало нечто настораживающее, напоминающее об опасности… ну точь-в-точь ягуар, расправляющий лапы и вытягивающий когти, зевающий и показывающий крепкие белые зубы…

Из тени под лестницей послышался деликатный кашель, и Арабелла попыталась стряхнуть одолевавшие ее мысли, потому что в солнечном свете, падавшем в холл сквозь решетки окон, появился Франклин.

– Миледи, со слов грума его светлости я понял, что он намерен остаться на ночь в Лэйси-Корт. Грум попросил меня обеспечить слугам его светлости приличный ночлег.

В каждой черте худого лица и долговязого тела Франклина сквозило негодование. Должно быть, разговор с личным слугой герцога взбудоражил его и, вероятно, вся его шерсть поднялась дыбом, потому что его чувство приличия было оскорблено мыслью о том, что в доме будет ночевать чужой человек без позволения графа Данстона.

– Да, это так, Франклин, – сдержанно ответила Арабел-

ла. – Я не сомневаюсь в том, что ты знаешь, как устроить на ночь слуг герцога. – Ее рука все еще покоилась на балюстраде лестницы, и знакомая гладкая округлость столбика помогла ей успокоиться и продолжать в том же ровном тоне: – Лорд Данстон умер в Лондоне несколько дней назад. Теперь его светлость – владелец Лэйси-Корт. Надеюсь, что при первой же возможности ты поговоришь со слугами и объяснишь им, как обстоят дела.

Она посмотрела на герцога, будто искала подтверждения своим словам.

Джек наклонил голову и вежливо обратился к дворецкому:

– Я был бы вам благодарен, Франклин, если бы вы и… миссис Эллиот – кажется, так ее зовут? – если бы вы пришли в библиотеку сегодня в три часа. Мы сможем обсудить все изменения в образе жизни дома, если таковые будут. Я хотел бы, чтобы вы ввели меня в курс дела.

Франклин ошарашенно смотрел на Арабеллу. Рот его слегка приоткрылся.

– Лорд Данстон мертв? – пробормотал он.

– Да, – ответила Арабелла.

– Значит, мы в трауре, – продолжал Франклин потрясенно.

Как всегда в минуты кризиса, он находил утешение в практических делах и мелочах.

– Надо немедленно повесить над дверью скорбное изве-

щение. Всем слугам следует надеть траурные повязки… К вам ведь будут приходить выразить соболезнования… А как насчет похорон, миледи? Они будут здесь или в Лондоне?

Арабелла набрала полную грудь воздуха. Из-за утренних хлопот она совсем упустила из виду то, что обычно следует за смертью – похороны и все остальное. Как объяснить смерть Фредерика? Ведь самоубийц не хоронят в освященной земле. Если не скрывать правды, это навлечет позор на семью и их имя. Но как это утаить?

Герцог откашлялся, и она повернулась к нему.

– Ваш брат… Лорд Данстон… позвольте мне как его наследнику принять на себя хлопоты по устройству похорон, леди Арабелла. Мне будет неприятно, если все эти тяготы лягут на ваши плечи. Он хотел, чтобы погребение было частным делом и его похоронили немедленно после смерти. Прежде чем ехать сюда, я в Лондоне обо всем распорядился. Он выразил пожелание, чтобы по нему не носили траура, и я уверен, что вы захотите выполнить его предсмертную волю.

Франклин с изумлением взирал на нового владельца Лэйси-Корт.

– Как умер его лордство, ваша светлость?

– Погиб на дуэли, – поспешил ответить Джек. – Он умер от ран, и его распоряжение насчет похорон вполне ясно.

– Понимаю, – сказал дворецкий, хмуро уставившись в пол.

И он, и миссис Эллиот предвидели возможность такой

смерти графа, и все же следовало соблюсти необходимые формальности. Он покачал головой.

– Это весьма необычно, миледи.

– Верно, Франклин, но следует уважать последнюю волю лорда Данстона, – ответила Арабелла, испытывая огромное облегчение. Конечно, Фредерик не высказывал такой просьбы, но она решила, что не станет опровергать столь удобную для нее версию герцога.

Франклин все же, казалось, не был убежден, и теперь его взор обратился к герцогу, но, что бы он ни собирался сказать, дворецкий не рискнул выразиться вслух, а вместо этого только отдал поклон.

– Добро пожаловать в Лэйси-Корт, ваша светлость, – сказал он деревянным тоном.

– Благодарю, Франклин, – ответил Джек и мягко добавил: – Уверяю вас, что, находясь здесь, я буду руководствоваться законом и никто в этом доме может не опасаться за свое будущее. Пожалуйста, сообщите об этом слугам и разъясните им положение дел.

Франклин снова поклонился, не скрывая облегчения.

– Миссис Эллиот и я будем ждать вас в три часа, ваша светлость.

Джек кивнул и начал подниматься по лестнице вслед за Арабеллой. Он ободряюще обнял ее за талию, и все в ней возмутилось этим фамильярным прикосновением. Что он делает? И о чем думает? Ее снова одолели сомнения, и она

почти бегом поднялась по ступенькам на площадку. Он не спеша следовал за ней, в то время как она торопливо шла по коридору, ведущему в восточное крыло дома.

– Комнаты Фредерика здесь, ваша светлость. – Она открыла двустворчатые двери в конце коридора и сделала шаг назад. – Надеюсь, что вам будет удобно.

– После вас, – сказал герцог, учтиво кланяясь, и ей пришлось войти в комнату.

– Думаю, что вы сами найдете дорогу в спальню, – сказала она и тотчас же пожалела, что не выразила это иначе. – Если вам что-нибудь понадобится, возле камина есть колокольчик. Я пришлю вашего слугу с вещами.

– Скажите, – обратился он к ней непринужденно, входя в спальню, – леди Эслоп и ей подобные поверят предсмертной просьбе вашего брата и примут ее?

Арабелла осталась стоять в двери. Эта тема показалась ей вполне безопасной. К тому же она находилась на почтительном расстоянии от него, и теперь сердце ее билось ровно.

– Нет, – ответила она, – но ей будет нечего делать, кроме как сплетничать, разъезжая по соседям.

Он улыбнулся ей с некоторым злорадством:

– Но ведь мы желаем вызвать небольшую бурю в этом болоте? Разве не так?

– Я не хочу, чтобы сплетни следовали за мной в Корнуолл, – заявила Арабелла, не позволив себе ответить на его заговорщическую улыбку, потому что в ней крепло убежде-

ние, что обаятельные манеры герцога не более чем маска. Он был также опасен, как висевшая на его поясе рапира. И она решила противостоять этим чарам всеми силами и отвергнуть его неподобающую фамильярность.

– Корнуолл? – спросил он удивленно.

– Там живут родственники моей матери, – ответила она отрешенно. – Я отправлюсь к ним, как только улажу дела.

– Довольно унылая перспектива, – заметил он, прогуливаясь по комнате. – Вы не предпочли бы остаться в Лондоне? Там столько развлечений, достаточно, чтобы занять воображение.

– Едва ли мне по карману жить в Лондоне, – заметила Арабелла. – Особенно теперь.

– В качестве моей жены вы могли бы жить где угодно и выбрать такой образ жизни, какой вам понравится.

– Благодарю вас, но думаю, что мне больше подойдет Корнуолл, – заявила Арабелла. – Климат там лучше для орхидей.

– Вы могли бы завести оранжерею и в Лондоне, – возразил он, прерывая созерцание сада, которым любовался из окна.

Но в двери уже никого не было. Он пожал плечами и поджал губы.

Джек не рассчитывал на такое сопротивление со стороны сестры Фредерика. У него были все основания предполагать, что она запрыгает от радости и бросится ему на шею, вне зависимости оттого, понравится ей его предложение или нет. Разве у нее был выбор? Много ли найдется женщин, а осо-

бенно таких, как эта старая дева без гроша за душой, кто откажется от предложения герцога, одного из богатейших людей в стране? Корнуолл! Курам на смех! Его губы изогнулись в презрительной усмешке. Похоронить себя заживо! Лондон, его Лондон был бы прекрасной и самой подходящей оправой для такой необычной женщины. Именно там ее острый ум и своеобразная внешность могли бы обрести новый блеск и ярко засверкать.

Да о чем он, черт возьми, думает? Он покачал головой, не веря самому себе. Видеть Арабеллу Лэйси в обществе – было последним, о чем он мог подумать. Получить ее в жены – всего лишь средство закончить начатое дело, последний этап задуманной мести! Он был готов жениться на скучной, бесцветной старой деве, которая не стала бы путаться у него под ногами и жила в имении в Кенте, потому что это устраивало бы ее мужа, и беспрекословно стала бы исполнять свой супружеский долг, когда пожелает он, и, если повезет, родила бы в положенный срок ему наследника. Разумеется, в его планы вовсе не входило доставлять ей наслаждение, как он не ожидал, что получит удовольствие от общения с ней, если не считать удовлетворения от сознания того, что он отнял у Фредерика Лэйси последнее из того, что ему принадлежало.

Так какого черта он предложил ей что-то еще, кроме брака? Зачем ему понадобилось завлекать ее, хотя он знал, что скоро она увидит, что у нее нет выбора? Ей придется принять его предложение.

В комнате было жарко, и он распахнул окно, потом высвободил плечи из своего черного бархатного сюртука и распустил отделанный кружевами галстук прежде, чем отстегнуть пояс. Осторожно положил рапиру, вложенную в ножны, на подоконник и, выглянув в окно, увидел фруктовый сад, доходивший до горизонта и терявшийся вдали, Это графство называли садом Англии, и, вне всякого сомнения, земли здесь были плодородными, деревья ломились от плодов, а поля за садами зеленели и отливали золотом от созревающих злаков.

Шарлотта любила деревенскую жизнь… и предпочитала ее городской. Пологие холмы Бургундии соответствовали ее непритязательному вкусу и мягкому характеру, но ее муж граф де Вильфранш ценил свое положение при дворе Людовика XVI, и Шарлотте волей-неволей приходилось оставаться среди приближенных королевы Марии Антуанетты.

Вильфранш проехал в одной телеге с герцогом Орлеанским, когда для него настало время встречи с мадам Гильотиной, а Фредерик Лэйси принял меры, чтобы Шарлотта последовала на смерть за своим мужем.

Джек бросился на кровать, подложив сцепленные руки под голову. Когда на него накатывали воспоминания и ярость, он знал, что не следует им противиться, а иначе это мрачное настроение начинало душить его, и он уже был не в состоянии ясно мыслить и целесообразно действовать. Он закрыл глаза и позволил картинам того жаркого дня заполонить его сознание, пока вновь переживал все это, питая свою

мстительность и укрепляя решимость.

Плебс жаждал крови, чернь толпилась вокруг телег, пока они громыхали по булыжной мостовой к гильотине на площади Бастилии. Теперь от старой тюрьмы оставалась только груда мусора, и ревущая толпа лезла на нее, чтобы лучше видеть казнь. Ровный звук, который производило падающее лезвие, тошнотворный глухой шум, когда нож перерубал кость, мягкий стук, когда отрубленная голова падала в подставленную корзину, могли слышать только те, кто стоял близко к залитому кровью помосту.

Джек был одет в простое платье санкюлота, к его колпаку была приколота трехцветная кокарда. Он пробивался сквозь толпу подальше от гильотины, к краю площади. На него не обращали внимания, и никто не знал, что этот санкюлот-англичанин ежедневно приходил к гильотине, чтобы видеть гибель друзей и знакомых и доставить списки погибших их родственникам и близким в Англию, где отчаянно ожидали вестей. Его невозможно было отличить от других, когда он вот так протискивался сквозь давку, удаляясь от смрада разложения и крови. Добравшись до места, где толпа поредела, он перевел дух. Воздух казался сгустившимся от испарений человеческих тел, лука, винного перегара. Джек не мог больше выносить запаха крови.

Его взгляд упал на трех представителей народной полиции, стоявших близко друг к другу, будто связанных в один узел, на углу площади, а также на человека рядом с ними,

одетого по последней моде. Однако костюм его был помят и запачкан, парик съехал набок, кружева на манжетах порваны, пышный галстук сорван с шеи. И понятно было почему. Один из членов народной полиции держал в руке булавку с изумрудом и, как и его товарищи, смеялся, проталкивая пленника к помосту с гильотиной.

Джек с минуту наблюдал эту сцену с бесстрастным лицом, но держа руку на эфесе короткой шпаги, которую постоянно скрывал в складках своего обшарпанного жилета. Узник был англичанином, а иностранцы не были обычной мишенью народной полиции. Но большинство англичан в Париже в эти отчаянные времена вели себя скромно, стараясь держаться подальше от улиц и не привлекать к себе внимания. Они не выставляли напоказ свои изумруды, шелка и кружева. Только дурак или чванливый глупец стал бы испытывать судьбу и подвергать себя опасности. А Фредерик Лэйси, граф Данстон, всегда был высокомерным болваном, и чем бы он ни занимался здесь, в Париже, это не могло привести ни к чему хорошему.

Если бы Джек поспешил ему на помощь, он бы всего лишь умер с ним за компанию. Сейчас он думал об этом холодно и отстраненно, хотя едва ли было подвигом добродетели увеличить количество смертей вдвое. Он сделал шаг к этой группе людей, а арестант, обводя площадь безумными глазами, натолкнулся взглядом прямо на него. Джек понял, что тот его узнал. В этом нет ничего удивительного, подумал

Джек. Человек всегда узнает другого, как бы тот ни был замаскирован, если однажды тот чуть не убил его.

Данстон рванулся из рук своих тюремщиков и принялся что-то быстро им говорить, лихорадочно размахивая руками. Казалось, ему удалось привлечь их внимание, потому что они приостановили свое продвижение к гильотине и принялись задавать ему вопросы. Потом, все еще крепко удерживая его за локти, повернулись и направились вместе с ним в сторону от площади.

Джек незаметно нырнул в близлежащий переулок. Что бы ни сказал Данстон, это обеспечило ему передышку и отсрочку казни, а у Джека еще были дела в городе.

С наступлением темноты он вернулся в Марэ, на узкую улочку, где держал свою лавочку виноторговец. Дверь была заперта на засов, окна защищены ставнями. С минуту Джек постоял, глядя на фасад дома. Сердце его сжала холодная рука страха. Потом его взгляд обратился к крошечному чердачному оконцу. Оно тоже было закрыто ставнями. На противоположной стороне улочки, открываясь, хлопнула дверь. Он обернулся. Там стояла женщина, одетая в черно-ржавое вдовье платье, и смотрела на него. Он медленно подошел к ней, и она скользнула в дом сквозь узкую дверь. Джек последовал за ней в тесный коридор.

– Madame, qu'est-ce qui se passe?[1]

Она принялась ломать свои узловатые пальцы, рассказы-

---

[1] Мадам, что случилось? (фр.)

вая ему о том, что агенты народной полиции, придя в лавку виноторговца в сопровождении какого-то мужчины, забрали с собой всех, включая и женщину.

Джек открыл глаза. Страшные образы стали меркнуть в его памяти, и столь отчетливый запах крови, который он живо ощущал минуту назад, начал рассеиваться. Но он все еще испытывал ледяной ужас, сжавший его сердце когтями, пока смотрел на закрытое ставнями окно чердака в Марэ.

Он был так близок к тому, чтобы увезти Шарлотту из Парижа! Ему не хватило всего двух дней до прибытия корнуэльского рыбачьего суденышка к диким скалистым берегам Бретани. Все было готово для их бегства из Парижа. Оставалось только немного подождать.

А пока они ждали, было безопаснее находиться в центре этого змеиного гнезда и скрываться на чердаке над лавкой виноторговца в самом сердце Марэ, одетым как гражданин и гражданка Франции, добропорядочные и благонамеренные санкюлоты, активные участники народной революции, так же, как и все остальные, жаждавшие плясать вокруг телег с обреченными на казнь, смешавшись с плебсом, осыпавшим насмешками аристократов, которых везли со связанными за спиной руками, женщин – в нижних сорочках, мужчин – в расстегнутых рубашках, открывавших шею для более удобного доступа ножа гильотины.

И вот в этот последний день их ожидания, в то время как Джек собирал сведения о личностях узников Шатле, народ-

ная полиция нагрянула в лавку виноторговца. Они знали, за кем пришли и где ее найти. Когда Джек вернулся, Шарлотта исчезла. Он проследил за ней до тюрьмы Ля Форс, но в ту же самую ночь узников казнили. Двор при здании суда был завален изуродованными трупами, телами изнасилованных и убитых женщин, залит кровью.

Джек пытался отогнать осаждавшие его картины, выжженные навсегда в памяти. Он лихорадочно искал труп Шарлотты, отчаянно звал ее по имени, пока какая-то старая карга, одна из «вязальщиц»[2], наслаждавшихся видом резни, не рассказала ему с нескрываемым восторгом о женщине с удивительной белоснежной прядью в темных волосах, которую поволокли из тюрьмы под угрозой ножей ее тюремщиков.

Джек готов был убить эту ведьму собственным ножом, если бы друзья с риском для собственной жизни не оттащили его прочь. Он почти не помнил подробностей своего бегства из Парижа через всю страну, путешествия на рыбачьей лодке, доставившей его к берегам Корнуолла. Но он знал, кто выдал Шарлотту. Фредерик Лэйси, который спас собственную шкуру ценой жизни Шарлотты и заодно отомстил Джеку за давнее оскорбление.

Но Лэйси теперь сполна заплатил за это. Все, что прежде принадлежало ему, перешло к его врагу, за одним исключе-

---

[2] «Вязальщицы» – народные мстительницы во время Великой французской революции, не выпускавшие из рук вязанья, даже присутствуя на казнях.

нием. Лэйси забрал жизнь Шарлотты и лишил Джека любимой сестры. Джек был намерен завладеть сестрой Лэйси и рассчитывал, что она принесет ему наследника и тем самым он довершит истребление ее брата. И Фредерик Лэйси будет поджариваться на вертеле в аду, но адское пламя и ярость будут ничто по сравнению с сознанием его полного уничтожения от руки человека, которого он ненавидел большую часть своего жалкого существования на земле.

Как и всегда, мысль об этом принесла Джеку злобное удовлетворение. Арабелла Лэйси оказалась совсем не такой, какой он ее представлял, но как он мог догадаться, что затворница, деревенщина и старая дева окажется такой отважной и уверенной в себе? Столь боевой и задиристой? Впрочем, ему это было все равно. Он знал, что так или иначе женится на ней.

Джек был терпеливым человеком, если это согласовывалось с его планами.

ГЛАВА 3

– Таково положение дел, – закончила Арабелла свою речь, обращаясь к дворецкому и экономке и улыбаясь им, как она надеялась, ободряюще.

– Прошу прошения, миледи, но мне кажется, это неправильно. Я никак не могу взять ничего в толк, – сказала миссис Эллиот. – Это так внезапно… я имею в виду потерять его лордство и все остальное. Я хочу сказать, что ведь он был совсем молодым человеком. – Она шмыгнула носом. – Конечно, учитывая его образ жизни… Впрочем, не мне об этом судить.

Она бросила многозначительный взгляд на Франклина, и тот кивнул.

Арабелла решила оставить это замечание без внимания. Насильственная и безвременная смерть ее брата станет главной темой сплетен и домыслов среди слуг в течение будущих недель, а возможно, и месяцев.

Она решительно повернула разговор в другое русло:

– Его светлость сказал, что не будет никаких серьезных перемен в ведении хозяйства. Поэтому никто не должен опасаться потерять место.

– Но перемены все-таки будут, мадам, – заявила миссис Эллиот, вытирая руки о до хруста накрахмаленный передник. – Это ясно без слов.

Арабелла вздохнула:

– Да, уверена, что будут, но меня бы удивило, если бы оказалось, что герцог станет много времени проводить в деревне. Подозреваю, что Лондон больше соответствует его вкусам. Вероятнее всего, вы редко будете его видеть.

– Да, он прекрасный джентльмен… – сказала домоправительница. – Почти такой же, как этот его лакей. – Она снова шмыгнула носом. – Он доставит много хлопот и неприятностей с такими утонченными вкусами и привередливостью. Не знаю, как я все это выдержу. Верно, мистер Франклин?

– Точно, миссис Эллиот, – мрачно согласился дворецкий. – Уж верно говорится про новую метлу…

Арабелла подавила вздох. Она всегда поощряла легкие, доверительные отношения со слугами, к большому недовольству брата, но это соответствовало ее характеру. Однако у нее не было настроения слушать сейчас их причитания. Ей хватало и собственных забот.

– Надеюсь, в конце концов все уладится, – сказала она. – И, как я уже говорила, не думаю, что его светлость надолго останется здесь, и уверена, что он заберет с собой своих слуг, когда соберется в город.

– Но как насчет вас, миледи? – спросила экономка. – Куда отправитесь вы?

– Пока еще не знаю точно, – ответила Арабелла. – Думаю поехать к родственникам в Корнуолл. Но потребуется некоторое время, чтобы все подготовить к отъезду, а герцог лю-

безно предложил мне оставаться здесь, до тех пор пока я не улажу свои дела.

Миссис Эллиот покачала головой:

– Мне это не кажется правильным, миледи, если позволите высказаться. Для незамужней леди это… – Она снова покачала головой. – Не понимаю, о чем думал лорд Данстон… как он не оставил распоряжений на этот счет…

Она смутилась и умолкла, и фраза ее повисла незаконченной. Она не имела права обсуждать действия своих хозяев.

Арабелла не ответила на это замечание. Она только сказала отрывисто:

– Герцог и я будем вести каждый свою жизнь. Я останусь в своих комнатах в моем крыле дома. Вы, конечно, будете накрывать на стол для его светлости в столовой, я же стану питаться в своей гостиной. Отныне вы будете принимать все распоряжения от его светлости и докладывать лично ему как хозяину дома обо всех визитерах. Он сам вам все объяснит. О, если только речь не будет идти о моих друзьях, – добавила она. – Если, например, меня навестит мисс Баррет, то в этом случае, Франклин, не стоит тревожить герцога.

– Разумеется, мадам, – поклонился Франклин, всем своим видом показывая, что не следует ему напоминать о таких очевидных вещах.

Арабелла встала.

– Если есть еще вопросы…

– Не думаю, мадам, что есть, – ответил дворецкий, снова

отвешивая поклон.

Домоправительница присела в реверансе, и оба они направились к двери, вышли и закрыли ее за собой.

Хорошо, что с этим покончено, подумала Арабелла с облегчением. Она старалась выглядеть деловитой и равнодушной. И ей это удалось, но легко было представить переполох внизу из-за столь внезапной смены хозяев. Да и арендаторы тоже, должно быть, всполошились. Все в имении зависели от щедрости и благородства владельца Лэйси-Корт. Разница в характерах владельцев могла сделать их жизнь несносной и даже невозможной. Фредерик не уделял внимания ведению хозяйства и не интересовался благосостоянием слуг и фермеров, да и ничем, что так или иначе было связано с имением, кроме поступавшего от него дохода. Но Питер Бэйли был очень способным управляющим, и Арабелла присматривала за тем, чтобы все шло как полагается. Она могла только надеяться на то, что Джек Фортескью оценит Питера и оставит его в должности. Но он мог бы предпочесть и своего человека на столь важном месте.

От одной этой мысли у нее разболелась голова. Ей показалось, что этот день длится шестьдесят часов. Она присела за дубовый письменный стол и придвинула к себе пачку бумаг. Как начать письмо с просьбой к едва знакомым родственникам? Тем более если она не о чем-нибудь столь безобидном, как небольшая ссуда или право провести одну ночь под их кровом? Клянчить о предоставлении постоянного приюта

казалось ей чудовищным.

Она окунула перо в чернильницу и стала писать. Вымарала первую строчку и начала заново. Борис и Оскар разлеглись между столом и дверью гостиной. Обычно в это время дня Арабелла отправлялась на верховую прогулку, и собаки освобождались от накопившейся энергии, стараясь поспеть за ее лошадью…

А как же насчет Ренегата, ее коня? Он все еще принадлежит ей или теперь уже Джеку Фортескью? Она замерла, не закончив строчки. Ренегат родился в имении и потому формально стал его собственностью. Строго говоря, он ей не принадлежал. Это было чем-то вроде ссуды… и продолжалось в течение пяти лет.

Арабелла уронила перо на бумагу, разбрызгав чернила. Что же еще не принадлежало ей? Одежда?.. Да нет же, конечно, одежда эта была ее. Но ведь она была куплена на доходы от имения. И все же эта мысль показалась ей абсурдной. Собаки заскулили, и она прикрикнула на них с несвойственным ей нетерпением. Уж они-то принадлежали ей. Они были подарены ей в день рождения сэром Марком Барретом. И были его гордостью, так как происходили от помета, принесенного его обожаемой Ред Леди.

Несколько драгоценностей тоже были ее личным имуществом. Было несколько вещиц ее матери и жемчужный гарнитур, подаренный ей отцом по случаю, когда ее представили ко двору… Он назвал это расточительством, поскольку

она вернулась домой, не обретя поклонника. Но подарка не отобрал. Арабелла подумала, что юридически и их можно счесть имуществом, приобретенным на прибыли от имения. Конечно, у нее было крошечное состояние, перешедшее от матери. Этими деньгами она смогла бы оплачивать свое содержание, но оно не помогло бы ей жить независимо.

О, это было невозможно! У нее закружилась голова, потому что она почувствовала, что в комнате вдруг стало невыносимо жарко. Она вскочила с места:

– Отлично, мы покатаемся верхом.

Два пушистых хвоста завиляли, показывая неподдельную радость их хозяев. Арабелла прошла мимо них в спальню, сбрасывая по дороге домашнее платье. Надеть бриджи и амазонку из практичного тонкого зеленого сукна было минутным делом. Она взяла жилет такого же цвета и из такой же ткани, потом бросила его на кровать. Быстро заправила свою простую белую льняную юбку под широкий пояс амазонки. Погода была слишком жаркой для того, чтобы обременять себя жилетом или плащом. Она ведь не собиралась показываться в этом наряде в обществе. Она не выедет за границы имения. Арабелла присела, чтобы натянуть сапоги. Собаки волновались и шумно дышали, дожидаясь ее у двери. Она схватила перчатки и хлыст, взяла было шляпу, потом» и ее бросила на кровать. Ей надо почувствовать, как ветер развевает волосы.

– Идемте, мальчики.

Арабелла открыла дверь, и собаки запрыгали вниз по лестнице, опережая ее. Было уже почти три часа, и герцог, должно быть, совещался в библиотеке с Франклином и миссис Эллиот. Ей бы ни за что не хотелось столкнуться с ним. Поэтому она предпочла спуститься по черной лестнице и выйти из дома через кухню и подсобные помещения.

– Сегодня Ренегат несколько вялый, миледи, – сообщил ей грум, как только она вошла на задний двор, где располагалась конюшня. – Думаю, это от жары. Нас всех от нее клонит ко сну.

Арабелла с улыбкой кивнула ему, соглашаясь, и присела на перевернутую бочку для сбора дождевой воды подождать, пока оседлают ее лошадь.

– Нынче утром пришел здоровый малый, – непринужденно заметил грум, выводивший ее лошадь из конюшни, – и привел сюда четырех первоклассных упряжных лошадей.

Он застенчиво бросил на хозяйку вопросительный взгляд, потом положил седло на спину Ренегата.

– Думаю, у его светлости герцога Сент-Джулза все самое лучшее, – сказала Арабелла с холодным кивком. – Полагаю, он отличный ценитель лошадей.

– Ну уж кто-то точно ценитель, – заявил грум. – Вы только взгляните на них, миледи. Мерин в четвертом деннике, а остальные в конце второго ряда.

Арабелла соскользнула с бочонка и направилась к конюшне, притворяясь едва заинтересованной во вновь прибывших

лошадях, что было далеко от истины. Норовистый гнедой был великолепным животным, но требовались крепкие руки, чтобы его удержать, и еще более сильные, чтобы управлять им. Она представила узкие изящные руки герцога и испытала смятение, осознав, что заметила форму его рук. Оказалось даже, что она запомнила каждую мелочь в его внешности, от наманикюренных ногтей до бледной гладкой кожи на тыльной стороне рук, туго натянутой на суставы, до узких запястий, выступающих из пены кружевных манжет. Но стройность не означала слабости. Она легко могла представить их упругую силу, мощь человека, умеющего владеть рапирой и знающего, когда и как ее применить.

Напомнив себе, что не стоит воображать всякие нелепости, она отвернулась от денника и вышла из конюшни на солнечный свет. Ренегат, завидев ее, тряхнул головой, а Борис и Оскар принялись носиться по мощен ному булыжником двору все расширяющимися кругами. Грум подвел лошадь к колоде, с которой Арабелла легко взлетела в седло. Она наклонилась вперед, чтобы похлопать животное по холке.

– Ну же, просыпайся, Ренегат.

Он всхрапнул и снова мотнул головой, потом неспешно и расслабленно двинулся со двора.

Арабелла направила коня в овраг, а потом к берегу реки. Она расслабилась, приспосабливаясь к его ровному ходу, наслаждаясь живительным дуновением ветра, который овевал ее лицо, прояснял мысли и даже каким-то образом помогал

разобраться в путанице обрушившихся на нее проблем.

Возможно, в Корнуолле, на земле ее родственников, коттедж все еще пустует. Он, конечно, невелик, всего-то домик из двух комнат, но ей вполне подойдет. Ее средств хватит на самую скромную жизнь. Овощи она сможет выращивать сама. У нее будет садик, возможно, пара фруктовых деревьев. Она сможет обменивать свои плоды на мясо и муку… Ей вовсе не придется существовать на подаяние. Есть способ свести концы с концами, если только она найдет кров. И если она сможет транспортировать свои орхидеи, то будет их выращивать и продавать, как делает это теперь. Сейчас это было для нее всего лишь хобби, но со временем может стать хорошим заработком.

Когда Арабелла повернула Ренегата к дому, она была полна покоя и умиротворения, словно вопрос о ее будущем был благополучно решен. Собаки вразвалку трусили вровень с лошадью, истощив свою неуемную буйную энергию. Они рысцой направились к конюшне, и Арабелла еле слышно выбранилась: герцог и Питер Бэйли стояли посреди двора, погруженные, как ей показалось, в серьезный разговор.

Оба они обернулись, когда она въезжала во двор. Питер Бэйли сорвал с головы шляпу. Она заметила, что его доброе умное лицо выразило глубокое огорчение. Он направился к ней.

– Леди Арабелла, я так потрясен вестью о смерти графа.

Разговаривая с ней, он держал руку на уздечке. Она кив-

нула и приветствовала его бледной улыбкой:

– Да, это было так неожиданно, Питер. Герцог разъяснил вам все обстоятельства?

– Да, в основном разъяснил, мадам. – Лицо Питера еще больше омрачилось, а голос он понизил так, что тот звучал чуть громче шепота. – Странная ситуация с землями и состоянием Данстона, если мне будет позволено высказать свое мнение.

Арабелла снова кивнула:

– Не понимаю, как это произошло, но, как вы знаете, мой брат был сам себе голова и закон и имел полное право распоряжаться своим имуществом, как ему заблагорассудится.

В ответ на это Питер удовольствовался полупоклоном, соглашаясь с ней. Говорить о покойнике дурно не принято, но, как и все остальные обитатели имения, Питер не питал никаких иллюзий в отношении характера Фредерика Лэйси и обстоятельств смерти графа, о которых ему поведал герцог. И изменить было ничего нельзя.

Джек скромно выжидал с минуту или две, не желая потревожить этих двоих, переговаривавшихся шепотом. Он подумал, что никогда прежде не встречал достойной женщины из общества, которая бы столь мало заботилась о своей внешности. На ней не было ни плаща, ни шляпы, волосы ее были растрепаны и спутаны, после того как над ними порезвился ветер. На носу у нее была пыль, лоб покрыт испариной. Леди Арабелла выглядела вполне уместно на конюшне и вполне

могла сойти за дочь фермера, возвратившуюся после целого дня работы в поле на уборке сена. Он подумал о Лили, своей прекрасной и элегантной любовнице, у которой из прически никогда не выбивалось ни единого волоска даже в пароксизме страсти. По неизвестной причине эта непохожесть вызвала у него невольную улыбку.

Кашлянув, чтобы предупредить их о своем приближении, он направился к ним через двор.

– Я думал, мадам, что вы слишком заняты нынче днем для верховой прогулки, – сказал он с холодноватой улыбкой.

Он оглядел ее, и на мгновение взгляд его задержался на ее высокой груди, обтянутой легкой тканью. Это создавало интересный контраст с тонкой талией и широкими бедрами под зеленой амазонкой.

– Дать возможность погулять собакам – одно из моих дел, – ответила Арабелла, испытывая смущение и неловкость под этим быстрым оценивающим взглядом, и подумала, что зря не надела плаща или хотя бы шляпы. Вероятно, она выглядела как цыганка, такая же взлохмаченная и потная, как утром в оранжерее, герцог же снова был одет безупречно, и это выводило ее из себя. Она могла с уверенностью сказать, что он сменил рубашку со времени их последней встречи.

Он положил руку на теплую шею ее лошади, погладив ее мягкий, бархатистый нос.

– А в компании это сделать невозможно, – задумчиво про-

говорил он, и в этой фразе была только тень вопроса.

– Скорость, с какой я скачу, когда выгуливаю собак, не располагает к беседе, ваша светлость, – заявила Арабелла и сжала коленями бока Ренегата, понуждая его приблизиться к колоде, предназначенной для того, чтобы садиться на лошадь и спешиваться.

Чем скорее она закончит этот неприятный разговор, тем лучше – она и так оказалась в невыигрышном положении.

Джек пошел рядом.

– Красивый мерин, – похвалил он. – Да.

Арабелла спрыгнула с седла на колоду и отвернулась от герцога:

– Питер, если вы сможете прийти в дом, после того как закончите дела с его светлостью, я буду рада кое-что обсудить с вами.

– Сделаю это с радостью, мадам. – Питер отвесил поклон.

Арабелла бегло улыбнулась ему в знак признательности, передала поводья груму, свистнула собакам и покинула двор, едва удостоив взглядом Джека Фортескью.

Джек смотрел ей вслед, поглаживая подбородок и любуясь тем, как покачиваются ее бедра, когда она удаляется быстрым и деловитым шагом. Потом тряхнул головой, будто отказавшись от мысли разрешить загадку.

Питер прервал тягостное молчание, осторожно заметив:

– Арендаторы обожают леди Арабеллу. Эта новость потрясет их. Она знает их всех по именам, также как и их де-

тей. Им известно, что они могут обратиться к ней в случае несчастья и она поможет деньгами, едой или отложит выплату арендной платы. Что они будут делать без нее?

Джек промолчал.

После краткой паузы Питер продолжал:

– Когда стало ясно, что леди Арабелла не собирается вступать в брак юной, я попытался убедить ее отца выделить ей часть земли и капитала на всякий случай, ну вот такой, как этот. Конечно, он думал, что лорд Фредерик позаботится о сестре, когда вступит в права наследства.

– А он этого не сделал.

Питер покачал головой:

– Я пытался убедить его создать траст на ее имя, но… – Его фраза снова осталась незаконченной, пока наконец он не собрался с духом и не решился высказаться более прямолинейно: – Видите ли, милорд герцог, графа и леди Арабеллу не связывали особенно нежные чувства.

– Понимаю.

Джек слегка наклонил голову, показывая, что это его не слишком удивило. Теперь, когда он познакомился с сестрой Фредерика, он понял, что трудно себе представить более непохожих людей, чем брат и сестра.

Питер откашлялся и продолжал:

– Лорд Фредерик очень мало принимал участия в ведении хозяйства в имении. Если вы меня извините, ваша светлость, то это просто преступление, что тот член семьи, кто всегда

пекся о благополучии арендаторов и заботился о хозяйстве в усадьбе, оказался ни с чем. – Он посмотрел на герцога с отвагой и беспокойством одновременно, будто хотел бросить ему вызов. – Прошу прощения, что я высказываюсь так прямо, сэр.

– Разумеется, – ответил Джек. – Но должен вам сказать, что если эта речь рассчитана на то, что я устыжусь и устрою дела леди Арабеллы, то вы обратились не по адресу.

Предложить даме приемлемую альтернативу в противовес браку с ним никак не соответствовало его цели.

Питер отшатнулся от него, услышав такое заявление, произнесенное будничным и холодным тоном. И подумал, что этот новый хозяин нравится ему еще меньше прежнего. Уж граф по крайней мере имел неоспоримое право на свою землю и имущество.

– Однако вы скоро убедитесь, что я вовсе не равнодушен к судьбе своих арендаторов и ценю благоустройство имения, – продолжал герцог. – Я верю, что вы окажете мне честь сохранить свое место здесь.

Он бросил взгляд искоса на собеседника и с некоторым смущением заметил ледяное выражение его лица. Должно быть, леди Арабелла была ему дорога.

– Я останусь здесь так долго, как вы пожелаете, ваша светлость, – ответил Питер смущенно.

– Благодарю вас. – Герцог улыбнулся, и у управляющего возникло странное чувство, будто рядом с ним находится со-

вершенно другой человек. – Вы можете не сомневаться, что я не желаю зла леди Арабелле. Я вовсе не собираюсь выгнать ее из дома, пока она не решит, что хочет его покинуть.

Питер слегка оттаял:

– Тогда вы можете остановиться в местной гостинице. Она вполне приличная.

Джек покачал головой:

– Нет, я останусь в Лэйси-Корт. Управляющий с изумлением воззрился на него:

– Но… но… ваша светлость, это неприлично.

– Леди Арабелла считает, что прилично, – ответил Джек мягко. – Ведь в конце концов я замещаю ее брата. – И он тотчас же заговорил о другом: – А теперь расскажите мне, если возможно, о здешних условиях и системе хозяйства.

Джек вернулся в дом вскоре после пяти часов пополудни. Питер расстался с ним чуть раньше, якобы для того, чтобы встретиться и поговорить с Арабеллой, и герцог продолжил прогулку по своим владениям в одиночку. Куда бы он ни бросил взгляд, он видел результаты кропотливого труда и разумного хозяйствования. Сады, в изобилии украшенные цветами, были прекрасны и являли собой свидетельство умелого и тщательного ухода, а ферма процветала. Там был пруд со множеством уток, курятнике огромным количеством кур, голуби на голубятне и пчелы в ульях. Фруктовые деревья ломились под тяжестью плодов, сено на полях подготовлено к тому, чтобы его сложили в скирды. Коровы в стойлах опове-

щали мычанием о том, что близится час вечерней дойки.

Он чувствовал, что о нем судачат, пока прогуливался по вновь обретенным землям. Коровницы перестали сбивать масло, как только он вошел в прохладное помещение молочной фермы, но краснощекая женщина, снимавшая сливки с молока, прикрикнула на них, и они вернулись к своей работе. Девушка, которая помогала на кухне, а сейчас собирала в огороде бобы, выпрямилась и с раскрытым ртом вытаращилась на элегантного гостя. Джек коротко кивнул ей. Она отчаянно покраснела.

Если верить Питеру Бэйли, то все шло в имении гладко только благодаря усилиям Арабеллы. Джек отлично знал: если хозяйство налажено и обходится без постоянного строгого надзора, несомненно, это происходит благодаря тому, что кто-то берет на себя ответственность за порядок. Ясно, что Питер Бэйли – хороший управляющий, но он был наемным работником, а Лэйси-Корт со всеми своими сельскохозяйственными достижениями обнаруживал участие кого-то, лично заинтересованного в процветании имения и эмоционально с ним связанного.

Конечно, любовь Арабеллы к своему дому сделает ее более сговорчивой и заставит принять любое предложение, которое даст ей возможность сохранить его. Как бы то ни было, он сознавал, что это потребует от него дополнительных усилий, ему придется натянуть новую тетиву в своем луке, и с этой мыслью он направился к дому и обеду. Он был отчаянно

голоден, потому что с момента завтрака на рассвете не держал во рту ни крошки. И смутно припоминал, что Арабелла, кажется, в полдень предлагала ему перекусить, когда еще думала, что он вернется в Лондон, но, поскольку их беседа в этот момент стала особенно волнующей, вопрос о еде отпал как-то сам собой. Он не спросил, в котором часу садится обедать хозяйка дома. В Лондоне он обычно обедал около шести, но догадывался, что в деревне, вероятно, соблюдается другое расписание. Значит, он заставил Арабеллу ждать.

Он поспешил под сень прохладного холла. Откуда ни возьмись появился Франклин, должно быть, услышавший шаги герцога. Он церемонно поклонился и спросил:

– В котором часу ваша светлость желает отобедать?

Джек ответил ему дружеской улыбкой, надеясь пробиться сквозь холодную учтивость дворецкого.

– Как только переоденусь и смою с себя грязь, Франклин. Это не займет более пятнадцати минут.

Франклин, не откликнувшись на улыбку, только снова отвесил поклон:

– Очень хорошо, ваша светлость. Обед будет подан в столовой через четверть часа.

Он повернулся и растворился в тени.

Джек пожал плечами и стал подниматься по лестнице, перепрыгивая через две ступеньки. Обычно он не задумывался над вопросом о том, любят его слуги или нет. Для него это не имело никакого значения, если они выполняли работу, за ко-

торую получали деньги, но сейчас ситуация была особенной. Эти люди не добивались, чтобы он взял их на службу. Они готовы были сохранить место здесь в силу обстоятельств, но Джек предпочел бы, чтобы слуги остались по доброй воле, а не потому, что им некуда идти.

Лакей ждал его в просторных комнатах, принадлежавших прежде графу Данстону.

– Думаю, подойдет бирюзовый бархат, ваша светлость. В сочетании с золототканым жилетом.

Он указал щеткой для одежды на сюртук, отделанный по краю золотым кружевом, который в этот момент чистил.

– Да, это будет прекрасно, – ответил Джек, движением плеч освобождаясь от костюма для верховой езды.

Он разделся до нижнего белья и умылся, постаравшись удалить влажной губкой пыль, смешанную с потом. Он рассчитывал провести приятный дружеский вечер в обществе леди Арабеллы, а если бы ей пришлось слишком долго дожидаться его за столом, начало их дружбы было бы испорчено.

Десятью минутами позже он стоял перед зеркалом в человеческий рост и оправлял пену кружев у шеи. Он, как обычно, не стал пудрить волосы, но это было его единственным отступлением от строгих правил моды, предписывавших определенный вечерний туалет. Он подумал, как оденется к обеду Арабелла. Она выглядела опрятно в своем утреннем яблочно-зеленом платье. Что же вообще касалось ее туалетов, то ее одежду в лучшем случае можно было бы

назвать небрежной. Но к обеду она, вероятно, оденется тщательнее.

Он заколол кружева воротника булавкой с алмазом, размышляя с загадочной улыбкой, что хотел бы сам позаботиться о ее гардеробе. Необычные краски и фигура Юноны принадлежали к ее достоинствам, и ей бы подошел новый и даже вызывающий стиль в одежде. Он подумал, что знает с полдюжины модисток, которые перерезали бы друг другу глотки, оспаривая право одевать герцогиню Сент-Джулз.

– Вас что-то позабавило, ваша светлость? – спросил лакей, подавая ему серебряную табакерку, украшенную чеканкой.

– Ничего, Луи, – сказал герцог, опуская табакерку в карман сюртука.

Непонятно, почему он думал о возможной женитьбе с удовольствием, в то время как считал ее всего лишь правильным и разумным устройством дел? Он нахмурился, веселье покинуло его, и с мрачным видом герцог направился к двери.

– Кстати, – обратился он к лакею, – вас удобно устроили?

– Вполне сносно, – ответил тот, фыркнув. – Но если бы мне дозволили высказаться с полной откровенностью, я сказал бы, что эта деревенская челядь не имеет понятия о том, какие требования предъявляет джентльмен к своему благоустройству.

Джек приостановился, держа руку на ручке двери, и спокойно оглядел своего слугу с головы до ног, и тот съежился под этим взглядом и смущенно сглотнул слюну.

– Заруби себе на носу, дружище, что эти люди ведут свое хозяйство безупречно без нашего вмешательства. И я намерен оставить здесь все как есть.

Луи поклонился так низко, что чуть не коснулся носом колен.

– Разумеется, ваша светлость. Это всего лишь наблюдение.

– Так оставь свои наблюдения при себе. – посоветовал герцог и вышел из комнаты.

Он вступил в холл, как раз когда часы пробили четверть. Дверь гостиной была открыта, и он приостановился, думая, что Арабелла ждет его там. Но комната оказалась пуста, хотя недавнее присутствие хозяйки ощущалось. Воздух был напоен благоуханием крупных роз, стоявших в огромных вазах, окна отворены навстречу прохладному вечеру и ароматам сада. Безошибочно чувствовался женский вкус в убранстве гостиной, и это было приятно.

Шарлотта тоже это любила, подумал он, ощутив знакомую боль, но Лили не занималась такими мелочами. Ее дом, а точнее сказать, дом ее мужа, был безупречно элегантным, и все в нем соответствовало требованиям новейшей моды. Ничто старомодное не могло запятнать его. К примеру, эти розы были бы отвергнуты Лили, потому что они в какой-то степени не были чистыми, как, впрочем, и садовник. Он поймал себя на том, что снова улыбается.

– Ваша светлость?

Голос Франклина отвлек его от размышлений. Дворецкий стоял в настежь распахнутых дверях столовой с приветливой улыбкой на лице.

– Обед подан, сэр.

– Благодарю вас, Франклин.

Герцог пересек холл и вошел в столовую, все еще улыбаясь. Комната купалась в золотистом свете раннего вечера. В распахнутые окна проникали пение птиц и ароматы сада. На всем протяжении стола красного дерева стояли зажженные свечи, мерцал хрусталь, сверкало серебро. От восхитительного запаха жареного мяса рот его наполнился слюной.

Но на столе был только один прибор. В дальнем конце его в округлом алькове стоял резной стул и перед ним на столе бокал, приборы, фарфоровые тарелки – все, что требовалось для изысканного обеда. Но, похоже, обедать ему придется в одиночестве.

Франклин подошел, чтобы отодвинуть стул от стола, и сказал что-то о том, что надеется угодить герцогу кларетом, выбранным им к обеду. Джек удивленно проговорил:

– Я подожду леди Арабеллу. Франклин кашлянул в ладонь:

– Она наверху, сэр. В своей гостиной. Она пожелала, чтобы я открыл…

Герцог перебил его:

– Ей известно, что обед подан? Пожалуйста, сообщите ей. Я буду ждать ее в гостиной. – Он повернулся, чтобы выйти

из комнаты.

Франклин торопливо заговорил:

– Ваша светлость, миледи уже отобедала.

Джек резко обернулся:

– Отобедала?

– Да, ваша светлость. Она предпочла пообедать в своей гостиной. Миледи всегда обедает в пять часов, и она не пожелала…

Фантазия дворецкого иссякла. Леди Арабелла дала понять своим слугам, что ее намерения вести независимую жизнь отлично известны герцогу. Но, похоже, что все было не так. Ему не понравилось выражение серых глаз его светлости. На мгновение в них загорелась искра гнева, но тотчас же исчезла, и герцог спокойно сказал:

– Скажите леди Арабелле, что я бы был счастлив насладиться ее обществом, пока буду обедать. Может, она не откажется выпить бокал вина?

Он обошел стол, чтобы сесть на стул, который дворецкий все еще держал наготове.

Франклин на мгновение заколебался, прежде чем направиться к двери. Он уже собирался выйти, когда Джек остановил его:

– Нет, подождите.

Франклин вздохнул с облегчением:

– Да, ваша светлость?

Джек решительно отодвинул стул и встал:

– Я передумал, пожалуй, я сам, лично, приглашу ее. Где ее гостиная?

Ошеломленный Франклин не двигался с места.

– Ваша светлость, это личные покои леди Арабеллы.

– Вы забываете, Франклин, что обстоятельства несколько изменились. Теперь леди Арабелла – моя гостья.

Потом добавил мягко:

– Единственные личные покои в этом доме – мои.

Он направился к дворецкому, и Франклин невольно сделал шаг назад, хотя приближение герцога не представляло для него никакой угрозы.

Джек обратился к нему самым вежливым и мягким тоном:

– Будьте любезны, Франклин, показать мне, где эта гостиная.

Франклин поколебался одно мгновение, готовясь к битве за свою хозяйку, но разум подсказал ему, что такой вызов был бы бессмысленным. Это было бы все равно, как если бы обычный петух выступил против бойцового. Не произнеся ни слова, он повернулся и направился к лестнице.

Джек последовал за ним подлинному коридору в крыло, противоположное тому, где помещались его комнаты. Он отметил про себя, что покои Арабеллы были чрезвычайно далеко от комнат ее брата. Собственно говоря, здесь было вполне возможно вести совершенно независимую друг от друга жизнь даже под одной крышей. И он начал понимать, почему она приняла его предложение без особых возраже-

ний.

Франклин постучал в одни, потом в другие двустворчатые двери, близнецы дверей в комнаты Джека, и в ответ на нежный голос из-за последней двери встал в дверном проеме, загораживая вход.

– Миледи, его светлость хотел бы, чтобы вы присоединились к нему в столовой, – обратился к Арабелле дворецкий.

Арабелла положила перо.

– Вы объяснили ему, что я уже пообедала?

– Да, Арабелла, объяснил. – Джек, не проявляя излишнего насилия, но с явно выраженной целеустремленностью, отодвинул с дороги дворецкого и вошел в гостиную.

Арабелла сидела за письменным столом, одетая по-домашнему, как й подобает леди в своих апартаментах, в белое льняное неглиже, вышитое розами. Ее неубранные волосы обрамляли лицо, и когда она повернулась на стуле и посмотрела на него, он, внутренне усмехнувшись, заметил, что ее ноги босы.

– Это моя гостиная, сэр, – объяснила она, изумленная его бесцеремонным вторжением. – Не припомню, чтобы приглашала вас.

– Но должен вам напомнить, мадам, что, как хозяин дома, я не нуждаюсь в приглашении, чтобы войти в любую комнату.

Тон его был мягким и умиротворяющим, будто он не говорил ничего неразумного.

Она слегка побледнела. Его речь содержала горькую правду. Она не имела права распоряжаться в комнатах, исконно принадлежавших ей. Теперь она никогда не смогла бы надежно запереть дверь с сознанием, что никто не потревожит ее без приглашения. Она не могла больше позволить себе сидеть за письменным столом с босыми ногами в неглиже в уверенности, что ее уединение не будет нарушено.

Не произнеся ни слова, она вернулась к своему занятию и продолжала писать письмо, потом посыпала написанное песком и сложила листок, взяла свечу, горевшую рядом на столе, и покапала расплавленного воска, чтобы запечатать письмо, потом надписала адрес на конверте. Поднялась со стула и прошла через гостиную.

– Вы были так любезны, что предложили воспользоваться вашей почтой, ваша светлость. – Она протянула ему запечатанное письмо.

Он принял его. Оно было адресовано ее родственникам в Корнуолле. Джек опустил его в карман сюртука, потом сказал с поклоном:

– Я буду счастлив, мадам, исполнить вашу волю. Не могу ли я проводить вас в столовую?

– Вы должны извинить меня, – ответила она, – но я очень устала нынче вечером и хочу лечь в постель.

Он поднял брови, бросив взгляд на отделанные эмалью часы на каминной полке:

– Сейчас всего половина седьмого, Арабелла. Рановато

даже для маленьких детей.

Арабелла не нашла слов, чтобы отказаться вежливо. Она могла только упираться с озлобленным видом, а он, вероятно, так и будет стоять в дверях и настаивать, и это ни к чему их не приведет. Она осознала, что еще недостаточно твердо объяснила ему решение жить независимо, пусть и под одной с ним кровлей. Ясно было, что он пребывает в заблуждении, и чем скорее она рассеет его, тем лучше. Она присоединится к нему и выпьет бокал вина в столовой, на нейтральной площади, и разъяснит все раз и навсегда.

Арабелла внимательно оглядела его, отметив пышность бархатного бирюзового сюртука и золотого кружева. Хотя ее собственный домашний туалет был вполне уместен здесь, он не мог соперничать с изысканным костюмом ее сотрапезника. Арабелла сказала с легким намеком на сарказм:

– Через пять минут я присоединюсь к вам в столовой, сэр. Разрешите мне хотя бы надеть домашние туфли.

Джек поклонился с явной неохотой и оставил ее одну. В коридоре он остановился, прислушиваясь к звуку опускающейся задвижки. Здесь не было никого. Нет, решил он, Арабелла Лэйси никогда бы не струсила. Она встретится с ним на его территории, размышлял он, и будет сражаться оружием, выбранным им.

Однако он не спешил спускаться вниз. Вместо этого направился в свою спальню, вынул письмо из кармана и запер его в портативном железном сейфе. Он не даст корну-

эльским родичам Арабеллы выразить согласие принять ее с распростертыми объятиями. В конце концов, он ведь не обещал отправить письмо немедленно. Это вовсе не означало, что он его не отправит.

С насмешливой улыбкой, адресованной себе самому, Джек спустился вниз по лестнице.

В столовой он занял хозяйское место и позволил Франклину налить себе бокал кларета. Откинувшись на спинку резного стула, он принялся ждать свою гостью.

ГЛАВА 4

Джек ждал с полчаса, до тех пор пока не услышал ее легких и быстрых шагов в холле. Он поднялся со стула, как только Арабелла вошла в столовую, прищурился, оценивая ее туалет. Эти полчаса она использовала с толком. Теперь на ней было кремовое муслиновое платье с разрезом спереди, позволявшим видеть темно-зеленую атласную нижнюю юбку. Ее грудь прикрывала косынка, заколотая на шее брошью с аметистом. Волосы были перевиты зеленой атласной лентой, а ноги обуты в легкие домашние замшевые туфельки на низком каблуке. Похоже, что она не всегда пренебрегает своей внешностью.

Он поклонился и шагнул, чтобы отодвинуть от стола стул справа от своего. Она кивнула, принимая эту услугу, и сказала:

– Вам не следовало ждать меня к обеду, сэр. Я не стану есть, а миссис Эллиот будет огорчена, если ее стряпня испортится.

Она бросила взгляд на дверь, где маячил дворецкий.

– Пожалуйста, подай обед его светлости немедленно, Франклин.

Джек налил кларета в ее бокал и заметил мягко:

– Я не хотел начинать без вас. Я и так уже повинен в нарушении приличий.

На лице Арабеллы застыло изумление.

– Как это, сэр?

Он улыбнулся и занял свое место.

– Я забыл вас спросить, когда вы предпочитаете обедать, и вынудил есть в одиночестве. Прошу прощения.

Он поднял свой бокал, приветствуя ее, и отпил глоток. Арабелле пришлось отведать кларета, прежде чем она заговорила:

– Вы не проявили невежливости, ваша светлость. Я не рассчитывала обедать в вашем обществе. Вам следует только говорить Франклину, когда вы желаете отобедать, а он позаботится об остальном. У меня свой распорядок дня и нет ни малейшего желания навязывать вам свое общество.

Франклин поставил перед герцогом супницу и ретировался к двери. Джек опустил ложку в суп и посмотрел на дворецкого:

– Мне не надо прислуживать за столом.

Дворецкий бросил на леди Арабеллу взгляд, полный сомнения, но, так как она не подала ему никакого знака, поклонился и вышел в холл.

– Надеюсь, суп вам понравится, ваша светлость, – любезно сказала Арабелла. – Миссис Эллиот – превосходная кулинарка и экономка. Уверена, что вы останетесь ею довольны.

Джек ничего не говорил, пока не доел суп, потом положил ложку и откинулся на спинку стула.

– Суп изысканный, и уверен, что я не найду никаких изъ-

янов в ведении хозяйства. Итак, давайте перейдем к делу.

Она нахмурилась и, чтобы собраться с силами, отпила немного вина. Солнце уже стояло низко, и вокруг головы герцога, обращенной затылком к открытому окну, образовалось ярко-оранжевое сияние. По сравнению с ним свечи казались бледными.

– Какое же у нас дело, ваша светлость?

Он повертел тонкую ножку бокала в длинных пальцах, и взгляд Арабеллы уловил сверкание рубина на одном из них и квадратный изумруд на другом. Камни были великолепные. Какая потребность была у этого человека в состоянии ее брата? Почему он желал его смерти? Этот вопрос вызвал у нее в воображении образ кладбища, и ее передернуло. Она не спрашивала об этом прежде, но, конечно же, за смертью и бесчестьем Фредерика стояло нечто большее, чем карточный проигрыш.

– Так какое же дело нам надлежит обсудить, ваша светлость? – спросила она снова, когда ей показалось, что он не собирается ей отвечать.

– Моя дорогая, я не верю, что вы так упрямы или несообразительны, как пытаетесь меня убедить, – сказал он. – Во-первых, у меня есть имя, и мне было бы приятно, если бы вы стали обращаться ко мне по имени. «Ваша светлость» и «ваша светлость» – это начинает раздражать. Если вы не против, называйте меня Джеком. А во-вторых, одарить меня удовольствием находиться в вашем обществе – не слишком

большая плата за то, что вы продолжаете пользоваться этим домом как своим собственным.

Он позвонил в маленький колокольчик, стоявший возле его тарелки, будто стараясь обратить ее внимание на то, что сказанное имеет вес.

Арабелла была не в состоянии что-нибудь вымолвить, пока Франклин не убрал суп и не подал вместо него пирог с куропаткой, жареного цыпленка и пару речных форелей, а также блюдо с артишоками и грибами.

– Уверены, что не хотите, чтобы я отрезал для вас кусочек этого великолепного пирога? – спросил Джек заботливо, когда Франклин снова исчез из поля зрения.

– Нет. О, благодарю вас, – ответила Арабелла с некоторым опозданием. – Как я уже объяснила, я обедала.

«И мой обед был не таким изысканным», – добавила она про себя.

Миссис Эллиот приготовила для герцога такой обед, какой потребовал бы Фредерик, в то время как Арабелла довольствовалась всего двумя блюдами, когда бывала в доме одна.

– В таком случае разрешите предложить вам еще вина.

Он протянул руку, чтобы наполнить ее бокал. Арабелла с трудом перевела дух:

– Ваша светлость…

– Если для вас не составит труда – Джек, – перебил он ее хмуро.

Она сжала губы.

– Сэр, – сказала она, – если составить вам компанию – это цена, которую я должна заплатить за право находиться здесь, пока мне не удастся устроить свою жизнь по-другому, боюсь, что предпочту не платить ее. Я уеду через час.

Она сделала движение, чтобы отодвинуть свой стул, но он удержал ее, положив свою руку поверх ее руки, которой она оперлась о стол, чтобы встать. Казалось, его ладонь просто лежит на ее запястье, но на самом деле он пригвоздил ее к столу, как прикалывают булавкой бабочку, и Арабелле пришлось остаться сидеть.

– Прошу прощения, – сказал он, не убирая руки. – Вы не вполне ясно мыслите, Арабелла. Все, чего я прошу, – это присутствовать за столом да иногда сопровождать меня на верховых прогулках по моим землям. Надеюсь, вы мне расскажете о том, как вести дела в имении, и познакомите с арендаторами. Бэйли говорит, что все они вас любят, и я хотел бы, чтобы вы замолвили за меня словечко. Вы не можете не видеть, что это в наших общих интересах.

Арабелла пошевелила пальцами под его рукой, и он отпустил ее. Она положила руки на колени.

– Что вы имеете против меня? – спросил он непринужденным тоном, приступая к филе форели.

Она гневно воззрилась на него:

– Вы довели до смерти моего брата. Вы отняли все, что принадлежало ему. Вы обездолили меня…

Он протестующе поднял руку:

– Нет, нет! Вы не можете обвинить меня в том, что я вас обездолил, Арабелла. Я предложил вам руку. И в этом случае вы не только сохраните свой дом, но вдобавок станете хозяйкой всего, что принадлежит мне. Я предлагаю вам выбрать. Вы можете остаться жить здесь со своими орхидеями или пойти на приступ и взять Лондон. И я в любом случае не стану вам препятствовать. Если вы захотите основать политический салон и поддерживать тори, я и тогда не буду против. Хотя, – добавил он, – как убежденному вигу, это станет мне поперек горла. Я достаточно богат, моя дорогая, чтобы дать вам возможность жить так, как вы сами предпочтете. А теперь скажите мне, можно ли при таких условиях считать, что я вас обездолил?

И он спокойно продолжал есть форель. Арабелла невидящим взором смотрела в пространство через стол. Она не была дурой. Он предлагал ей весь мир на серебряном подносе. Но почему? Он не знал ее. Хотя знание не было необходимым условием супружества. Многие браки заключались между людьми, не имеющими понятия друг о друге. Но они или их семьи что-то выигрывали от этих союзов. Что мог выиграть Джек Фортескью от женитьбы на ней? Он уже владел всем, что раньше принадлежало ей, если не считать крошечного состояния, доставшегося от матери.

– Почему? – спросила она наконец. – Почему вы делаете мне такое предложение? Что есть у меня такого, чем бы вы

хотели завладеть?

– Мне нужна жена, – ответил он просто, зачерпывая ложкой грибы со своей тарелки. – И законные наследники.

– Но для этой цели вы можете получить любую молодую женщину, какую пожелаете. При вас все – происхождение, богатство и нет очевидных недостатков…

Она внимательно наблюдала за ним, будто пыталась проникнуть сквозь его безупречно элегантную одежду и увидеть покрытое шрамами тело под ней и столь же неприглядную исковерканную душу.

Джек усмехнулся.

– Я опасаюсь юных девиц, – пояснил он, и в глазах его заплясали искорки. – А уж что касается их мамаш, они считают меня дьяволом во плоти.

– Ну, это не остановило бы ни одну мамашу, если бы ей представилась возможность отхватить для своей дочери такого мужа, – возразила Арабелла. – Вы могли бы быть самым настоящим Синей Бородой, если бы при этом сделали ее дочку герцогиней.

– Вот что мне в вас нравится, – произнес Джек. – Вы сразу берете быка за рога. С вами лесть неуместна, миледи Арабелла, – пустая трата времени.

– Как я могу вам нравиться, если вы меня не знаете? – возразила она, жестом показывая, что отметает такую возможность.

– Ну, вот теперь мы совершили полный круг и пришли к

тому, с чего начали, – сказал герцог, положив нож и вилку. – Я и предлагаю проводить побольше времени вместе. Тогда мы сможем узнать друг друга. Разве в этом нет смысла?

Он поднял свой бокал с вином и торжественно ей поклонился, что вдруг заставило ее не к месту рассмеяться. Однако она довольно быстро опомнилась.

– Сэр, разве вы предлагаете мне больше времени проводить в вашем обществе? У меня сложилось убеждение, что вы ставите это условием моего пребывания здесь, в Лэйси-Корт, то есть принуждаете.

Он нахмурился:

– «Принуждать» – плохое слово. И вообще я его не произносил.

– А что бы вы сказали?

– Я настоятельно и вполне серьезно приглашаю вас поддержать компанию, – мгновенно ответил он. – Уверен, что, если бы вы дали себе труд хоть минуту подумать, а не делать сгоряча необоснованные выводы, вы бы оценили мое предложение по достоинству.

Солнце уже опустилось ниже подоконника, и теперь свечи засияли собственным светом. Белая прядь волос, спускавшаяся ему на лоб, замерцала серебром, когда он наклонился к своей тарелке.

«А что, собственно, я теряю?» – подумала Арабелла.

Она могла оставаться в Лэйси-Корт, пока не получит ответа из Корнуолла, или по крайней мере до тех пор, когда

ей было бы удобнее всего уехать. А герцог Сент-Джулз мог оказаться интересным и приятным собеседником. Он был цивилизованным городским жителем и, как она уже догадалась, хорошо разбирался в политике и общественной жизни, а она иногда задыхалась в своем оазисе среди садов Кента от недостатка информации о внешнем мире. Она довольствовалась крохами, получаемыми от соседей, совершавших иногда вылазки в город и привозивших оттуда газеты и журналы, но они всегда бывали старыми. Фредерик в этом отношении не был помощником. Он не интересовался политикой и еще меньше вопросами, возникавшими у сестры, и не пытался на них ответить.

– Вы сказали, что вы виг? – спросила она как бы между прочим, протянув руку к корзинке с хлебом за рогаликом.

Он поднял на нее глаза и посмотрел заинтересованно, потому что ее вопрос показался ему неожиданным.

– Да.

Она кивнула:

– Значит, вы друг принца Уэльского?

– Так уж случилось. – Он отодвинул тарелку и снова взял бокал с вином.

– Стало быть, король к вам не слишком благосклонен, – заметила Арабелла, откусывая от своего рогалика.

– Не благосклонен, – согласился он, глядя на нее поверх края бокала с веселым любопытством.

– Как и королева Шарлотта, – сказала Арабелла. – Я слы-

шала, что она теперь изгоняет пламенных вигов из своих гостиных.

Он кивнул:

– Это недальновидность с ее стороны, но и она, и ее супруг мало что смыслят в том, что не касается их королевских прерогатив. – Между его бровями залегла едва заметная морщинка, а в серых глазах засверкали искорки смеха, скорее только намек на них. – Какова цель этой политической дискуссии, Арабелла?

– Позвоните в колокольчик, – ответила Арабелла. – Миссис Эллиот горит желанием подать следующее блюдо. Нет, эта дискуссия не преследует определенной цели, но сдается мне, что вы могли бы удовлетворить мое любопытство в области политики. По-моему, это справедливо, если я буду просвещать вас насчет ведения хозяйства в имении.

Похоже, они пришли к молчаливому соглашению, размышлял Джек. Впрочем, политика не была его излюбленной темой, но он не стал увиливать.

– Справедливо, – согласился он и послушно позвонил в колокольчик.

Франклин убрал блюда и принес корзинку тарталеток с сыром и лимонное суфле.

– Миссис Эллиот просит прощения за то, что обед такой скудный, ваша светлость. Если бы она узнала немного раньше о вашем приезде, она бы… – Он отвесил поклон.

– Этого более чем достаточно, – возразил Джек. – Прошу

вас поблагодарить миссис Эллиот за ее труды. Я ценю их. – Он сделал жест в сторону Арабеллы: – Может быть, вы поставите еще одну тарелку для леди Арабеллы?

– Нет, благодарю вас, – отказалась Арабелла, смахивая горку крошек хлеба со скатерти, образовавшуюся перед ней, будто она недоумевала, откуда они появились.

Джек наклонил голову в знак того, что готов считаться с ее желаниями, и взял тарталетку с сыром.

– Итак, моя дорогая, принимая во внимание ваш интерес к политике, я предвижу много приятных обедов в вашем обществе.

– Думаю, мы сможем многое обсудить, – сказала Арабелла. – А теперь, если вы меня извините, сэр, у меня есть кое-какие дела.

Она оперлась о стол, чтобы отодвинуть свой стул, и на этот раз он не стал ее удерживать.

– Я надеялся, что мы сможем сыграть партию в триктрак или даже в пикет? – предложил он.

Арабелла с изумлением взглянула на него, потом рассмеялась безрадостным смехом:

– Мой дорогой сэр, неужели вы полагаете, что я сяду играть в карты или в кости с человеком, который каким-то образом вынудил моего брата проиграть и свою жизнь, и имущество?

Лицо Джека помрачнело. Но когда он заговорил, его голос был спокойным:

– Не стоит заблуждаться, Арабелла. То, что совершил ваш брат, он сделал по собственной воле и шел на это с открытыми глазами. Он знал, чем рискует… и почему.

Последние два слова он произнес едва слышно, и Арабелла не была уверена, что правильно его поняла. Но ей расхотелось задавать Джеку Фортескью новые вопросы. Теперь его глаза утратили всякое выражение и стали двумя пустыми озерами. Он сидел неподвижно и вдруг напомнил ей привидение, оболочку человека, сквозь которую можно все видеть. И она различила в нем угрозу.

Ей захотелось подняться и уйти подальше от стола, выйти из этой комнаты, но все же, пока он так сидел, забыв о ней, погруженный в себя с мрачным лицом, освещенным мягким сиянием свечей, она не могла заставить себя шевельнуться.

Джек видел Шарлотту такой, какой она запомнилась ему в их последнюю встречу, утром того последнего дня. Он слышал ее пение. Она любила петь, и ее негромкий дискант напоминал ему птичьи рулады. Потом внезапно его взгляд сфокусировался, впитал в себя мерцание свечей и золотые разливы света на полированной поверхности стола, а также рубиновое вино в хрустальном бокале, который он все еще держал, зажав его ножку между большим и указательным пальцами. Он посмотрел на женщину рядом с собой.

В ее золотистых глазах он прочел недоумение и вопрос, но на этот вопрос не мог и не хотел отвечать.

Арабелла, будто очнувшись от наваждения, отодвинула

свой стул.

– Доброй ночи, сэр.

Джек не попытался удержать ее. Вместо этого сам поднялся с места и проводил ее до двери. Он положил руку на ручку двери и не спешил ее открыть. Свободной он взял ее руку и поднес к губам, и их глаза встретились, когда его губы коснулись тыльной стороны ее руки. Он больше не был похож на незнакомца, таящего угрозу. Потом он склонился к ней и легонько поцеловал ее в уголок рта. Это было легкое, скользящее прикосновение. Когда он выпрямился, то все еще не отпускал ее руку и посмотрел с улыбкой в ее изумленно поднятое к нему лицо. Ее замешательство мгновенно сменилось негодованием и смущением, а золотистые глаза загорелись гневом.

Но он опередил ее, и гневные слова замерли у нее на губах, когда он произнес:

– Мне трудно поверить, Арабелла, что в свои двадцать восемь лет вы ни разу не целовались.

В его глазах она увидела усмешку и вопрос.

– Никогда меня не целовали без разрешения, – ответила она. – Что вы о себе вообразили? Пусть теперь вы хозяин этого дома, ваша светлость, но это не дает вам droit de seigneur[3]. Пожалуйста, посторонитесь и дайте мне пройти.

Он рассмеялся, повернул дверную ручку и распахнул дверь. Она проскользнула мимо, не ответив на его прощаль-

---

[3] Право первой ночи (фр.)

ный поклон.

– Доброй ночи, Арабелла, – тихо окликнул он ее. – С нетерпением буду ждать завтрашнего дня.

Она повернулась, все еще стоя одной ногой на нижней ступеньке лестницы.

– Как ни смешно, я не разделяю вашего нетерпения.

И, удовлетворившись этим не вполне достойным отпором, она начала подниматься по лестнице наверх.

К величайшему своему удивлению, Арабелла спала крепко и без снов и проснулась в обычный час, омываемая свежим воздухом и светом раннего утра, когда собаки, решив, что наступил день, принялись тыкаться носами в ее обнаженную руку.

– Хорошо, хорошо, – еще сонная пробормотала она и, зевая, села на кровати.

Собаки нетерпеливо крутились возле двери. Она спрыгнула с постели и открыла ее для них. Сейчас они отправятся на кухню, кто-нибудь впустит их туда, а Бекки, поняв, что ее госпожа уже проснулась, принесет ей горячий шоколад и подогретую воду. Это были неписаные правила, установленные Арабеллой.

Она снова забралась в постель и, опираясь спиной о подушки, стала обдумывать, как быть с остальными привычными занятиями. Утро она проводила в оранжерее, днем ездила верхом в сопровождении собак, каждый четверг встречалась по утрам с Питером Бэйли, иногда с друзьями, с Мэг…

о! Ей будет так недоставать Мэг! Они были близки, как сестры, а возможно, и ближе. Ее жизнь и будущее теперь казались ей головоломкой, которую кто-то взял в руки, уронил, и теперь некоторые ее элементы отсутствовали; найти и поставить их на место, чтобы восстановить прежнюю картину, было невозможно. В дверь постучала Бекки и внесла поднос.

– Доброе утро, миледи, – сказала она бодро, ставя поднос на ночной столик. – Похоже, будет еще один жаркий день. Налить шоколаду? – Она взяла в руки серебряный кофейник.

– Да, пожалуйста, Бекки.

Арабелла взяла неглубокую чашку дельфтского фарфора, наполненную ароматным шоколадом, которую протянула ей горничная.

– Я собираюсь нынче утром навестить Барретов. Поэтому найди мне платье из полосатого индийского муслина.

– То, что в оранжевую и коричневую полоску, мадам? – спросила Бекки, открывая гардероб.

– Да, оно легкое и прохладное.

Арабелла пила мелкими глотками шоколад, размышляя, как проведет день, в особенности же удастся ли ей избежать встречи с новым обитателем дома. Если она отправится к Барретам, то могла бы взять прогуляться собак, потому что туда и обратно можно пройтись пешком. И тогда не будет необходимости в дневной верховой прогулке и это время она могла бы провести в оранжерее. Никто, находясь в здравом

уме, даже столь решительный и упорный человек, как герцог, не пожелает изнемогать от жары в оранжерее весь день только ради того, чтобы навязать ей свое общество. Значит, останется один обед. Ладно, она способна скрепя сердце отобедать в его обществе раз в день, как обещала, и вести себя цивилизованно. Пока он будет соблюдать дистанцию между ними, добавила она про себя с гримаской.

– Что-то не так, леди Арабелла? – всполошилась Бекки, заметив, что выражение лица хозяйки изменилось. – У вас болят зубы?

Недавно Бекки на себе испытала приступ зубной боли и считала, что ничего на свете не может быть хуже.

– Вовсе нет, Бекки. – Арабелла через силу улыбнулась, стараясь выглядеть бодрой. – Я думала о том, что мне придется сделать и чего я делать не хочу.

Бекки с критическим видом оправляла складки ее оранжево-коричневого полосатого платья и хмурилась.

– Нужно слегка пройтись по нему утюгом. Оно немного измялось.

– О, в этом нет нужды, – беспечно ответила Арабелла. – Я пойду полями, а в такую жару оно все равно помнется и запылится.

– Ну, не знаю, миледи, – усомнилась Бекки. – По крайней мере если вы выйдете из дома в отглаженном платье…

Арабелла уже собралась со смехом отмести это предложение, но тут вспомнила о герцоге. Он всегда выглядел без-

упречно, кружева на его вороте и манжетах были ослепительно белыми, хорошо накрахмаленными и отглаженными даже после верховой езды и когда он стоял в ее оранжерее под прямыми лучами солнца. Каждый волосок в его шевелюре был на месте. Она же вчера была растрепанной, и волосы у нее висели как плети. Она была похожа на старую тряпичную куклу, забытую под дождем. Ничего удивительного, что он вел себя с ней так бесцеремонно. Он обращался с ней с такой же оскорбительной фамильярностью, как мог бы обходиться с коровницей. Она не хотела встречаться с ним до вечера, но уж если случайно столкнется, то предпочла бы выглядеть пристойно.

Вот и еще одно неудобство в том, что они живут под одной крышей, подумала она, выбираясь из-под одеяла и энергично откидывая его ногой. Нет, больше она не станет одеваться как попало.

– Отлично, Бекки, погладь его, если считаешь, что это нужно.

Она стянула ночную рубашку через голову и подошла к умывальнику. Следовало бы вымыть голову, решила она, оглядывая себя в зеркале, возвышавшемся над кувшином с водой.

– Я приму перед обедом ванну, Бекки. Думаешь, горячей воды хватит?

Бекки, хмурясь от сознания ответственности, водила утюгом по муслину и пробормотала в ответ что-то, выражавшее

согласие.

– И приготовь лимонный сок, чтобы прополоскать мои волосы, – продолжала Арабелла, выжимая мокрую губку над грудью.

– Да, миледи. А также лаванду и розовую воду для ванны, – сказала Бекки, складывая платье и придирчиво его оглядывая, прежде чем аккуратно повесить на спинку стула.

– Отлично, – сказала Арабелла и накинула через голову сорочку.

– Вы наденете корсет, миледи? – спросила Бекки, держа наготове жесткое сооружение из китового уса.

– В такую жару? – воскликнула Арабелла, влезая в батистовую нижнюю юбку.

Бекки убрала корсет в бельевой шкаф и вынула хлопчатобумажные чулки. Но и они были отвергнуты отрицательным кивком головы и возвратились на свое место, туда же, куда и корсет. Бекки взяла платье из индийского муслина, юбка которого была подбита тарлатаном, что придавало ему более строгий вид. Бросив взгляд в зеркало, Арабелла решила, что стоило поступиться комфортом ради того, чтобы выглядеть достойно.

– Причесать вас, миледи? – спросила Бекки, взяв в руки щетку, оправленную в серебро.

– Нет, я сама. – Арабелла протянула руку за щеткой. – Через пять минут я буду завтракать в своей гостиной.

– Очень хорошо, мадам. – Бекки поспешила выйти.

Арабелла села за туалетный столик. Проведя несколько раз щеткой по россыпи темных кудрей, она собрала их в тугой узел на темени, оставив обнаженной шею, чтобы ее овевал и освежал ветерок. Ноги ее скользнули в кожаные сандалии, практичную обувь для ходьбы по полям, хотя они и не соответствовали платью, как, впрочем, и отсутствие чулок. Решив, что костюм ее вполне приличен, она позавтракала в своей гостиной, примыкавшей к спальне. Эта комната была ее святилищем, с тех пор как она рассталась с миром детской и классной комнат. Ее особой страстью были книги. Она могла взять их с собой, куда бы судьба ни занесла ее в этой новой жизни. Орхидеи в горшках на подоконниках тоже принадлежали ей, как и две акварели с видами Венеции. Это Мэг привезла их ей из своего путешествия.

Намазывая масло на хлеб и отрезая ломтик ветчины, Арабелла улыбнулась. Она была изумлена нескромностью Мэг. При всей живости ума и характера Мэг производила впечатление законопослушной и вполне обычной девушки, но рыжие волосы шли вразрез с этим образом, подчеркивая необычность ее личности. Из двух подруг именно Арабелла производила впечатление более свободомыслящей и несклонной к конформизму. Но Мэг влюбилась в гондольера с мандолиной в руках.

Она вернулась в спешке и со слезами сожаления о Большом канале, и лишь Арабелла знала, что ее восторг был вызван не только усеянным звездами небом Венеции, но и кра-

сивым сладкоголосым гондольером, который предложил ей нечто большее, чем серенады. К счастью, леди и лорд Баррет знали только, что их дочь испытала глупое, но вполне объяснимое увлечение. Они быстро положили ему конец, хотя действовали со своей обычной добротой и деликатностью. Будучи уравновешенными, но твердолобыми сельскими жителями, они и представить себе не могли даже в кошмарном сне, что их единственная дочь пережила короткую, но страстную плотскую связь. К счастью, эта ее нескромность не имела фатальных последствий, и Арабелла сразу поняла, что прежняя Мэг исчезла навсегда.

Лишь Мэг могла высказать Арабелле свое беспристрастное и честное мнение о настоящей ситуации. Мэг сможет правильно истолковать этот его нелепый поцелуй.

Арабелла допила чай. Было рано, но в доме Барретов все уже, конечно, давным-давно встали, а сорокапятиминутная прогулка по полям была для Арабеллы очень приятна. Верхом она бы потратила только половину времени на это путешествие, но предпочла прогуляться пешком.

Джек проснулся до рассвета. Комната купалась в молочном сиянии, и, едва открыв глаза, он отбросил одеяло, подошел к открытому окну и выглянул в сад, все еще утопающий в лунном свете. Через полчаса звезды начнут меркнуть, но сейчас мир или небольшая его частица были окутаны сном. Если бы он был в Лондоне, то, вероятно, играл бы в карты и сейчас сдавал их в последний раз за ночь и вдыхал табач-

ный дым и запах пролитого вина, видел нетвердо держащихся на ногах игроков, слишком пьяных, чтобы играть прилично. Городские улицы, должно быть, источали запах отбросов и таили угрозу, исходившую от обитателей трущоб. Здесь же перед ним предстал омытый лунным светом сад, он вдыхал легкий свежий воздух и слышал уханье совы. А кругом царила тишина.

Эта была такая же земля, как та, где родилась Шарлотта и которую она так любила. Но тишина и бездействие вызывали у него беспокойство. Он не любил сельскую идиллию и с трудом выносил ее.

Джек надел рубашку и бриджи и тихо вышел из дома через кухонную дверь. Когда он через двор направился к оврагу и дальше к реке до границ имения Лэйси-Корт, часы на конюшне показывали половину пятого. Он был бы рад обществу собак, но их нигде не было видно.

Джек усомнился в том, что они спят в конюшне. Должно быть, свернулись калачиком в ногах постели Арабеллы.

Арабелла. Колючая, с трудным характером, упрямая, своевольная. Но чрезвычайно интересная. Шарлотта обладала характером и собственными взглядами, но она была склонна подчиняться требованиям общества и мириться с ними. Она вышла замуж из чувства долга и оказалась во французском суде. Лили была просто воплощением условностей. Хотя она и создала собственный мир по своему вкусу, но делала все возможное, чтобы даже намек на скандал не

коснулся ее. Она жила со снисходительным, но скучным мужем, но позволяла себе иметь любовника, удовлетворявшего ее тягу к необычному и волнующему. Джек наслаждался ее обществом. Они упивались друг другом. Это было соглашение, нарушить которое претило Джеку. Но он и не собирался его расторгать даже в случае женитьбы.

Джек остановился на берегу реки. Он гулял около часа, и солнце уже окрасило восточный край горизонта. В тени плоского камня была видна спокойно лежащая радужная форель. Существовали непритязательные радости в сельской жизни, которые он был способен оценить, и Джек пожалел, что не взял с собой удочки. Рассвет – самое лучшее время для рыбалки.

У Фредерика Данстона должны были быть удочки. И ружья. Наверное, он рыбачил и охотился. Но Джек знал, что никогда не смог бы удить рыбу удочками Данстона и охотиться с его ружьями. Использование личных вещей этого человека не включалось в ту цену, которую тот должен был заплатить за смерть Шарлотты.

Но как насчет сестры Данстона? Да, она как раз входила в эту плату. Джек повернулся и направил свои стопы обратно вдоль берега реки. Она заплатит последнюю монету, и он таким образом завершит свою месть, но в то же время она ведь станет его женой и будет зависеть от своего благодетеля, от мужа, который спасет ее от нищеты и тем самым навяжет ей долг, который она никогда не сможет ему выплатить.

За смерть Шарлотты она заплатит своей свободой. Впрочем, теперь он уж не был так в этом уверен.

Джек подошел к дому, купавшемуся в мягком сиянии восходящего солнца, размышляя о неожиданно возникшей проблеме в его безупречном плане. Похоже, его предполагаемая жена не была склонна принимать ни свою зависимость, ни его благодеяния.

Арабелла свистнула собакам и спустилась по лестнице, полная нетерпения поскорее добраться до Барретов. Оскар и Борис мгновенно появились и затопали к ней по полированному полу. С их морд капало молоко. Они прекрасно знали, как подольститься к кухарке, и неизменно встречали на кухне радушный прием. Арабелла давно отказалась соблюдать правила содержания и кормления двух очаровательных рыжих сеттеров. Она полагала, что, если иногда им достается по миске молока, это не может повредить, а у них было достаточно возможностей порезвиться, что компенсировало это отступление от правил.

– К Барретам, – сказала она им, открывая парадную дверь.

Они завиляли пушистыми хвостами и бросились вниз по ступенькам, опережая ее. Там жила их мать, прогулка к Барретам в раннее утро была для них желанной.

– Доброе утро, Арабелла.

Это приветствие, произнесенное приятным и мелодичным голосом, заставило ее замереть на нижней ступеньке. Она медленно повернула голову. Что он здесь делал в столь

ранний час? Ведь он был горожанином. И в это время должен был еще почивать и не беспокоить ее. Однако бодрствовал, хорошо причесанный, сияющий и вполне по-городскому облаченный в черный бархат и серебристые кружева. Его костюм был совершенен до мельчайших деталей, включая и рапиру в ножнах у пояса.

Она ответила на приветствие, но не улыбнулась:

– Здравствуйте, ваша светлость.

Он быстро сбежал по ступенькам и поравнялся с ней.

– Я думал, что мы еще вчера вечером покончили с этой досадной формальностью.

– Я предпочитаю оставаться педантом, – сказала Арабелла.

– Ах! – Казалось, он обдумывал ее слова, в то же время оглядывая ее и охватывая всю ее фигуру от волос, собранных в узел, до босых ног в простых кожаных сандалиях. – Понимаю.

– Если вы меня извините, сэр, – сказала Арабелла с ледяной учтивостью и достоинством, – я поспешу по своему чрезвычайно важному делу.

– В таком случае я составлю вам компанию и провожу вас, – ответил он с любезной улыбкой.

– Миссис Эллиот приготовит вам завтрак, – сообщила она.

– О, я уже позавтракал час назад, – сказал герцог, все еще улыбаясь. – И должен вам сказать, что еда была отменной.

Так куда же вы направляетесь?

– Мое дело не требует компании. Оно слишком личное, – сказала Арабелла.

– Но если оно как-то связано с имением, я должен принять в нем участие.

Теперь в этой его улыбке появилось что-то от вызова, а серые глаза стали неприятно пронизывающими.

– Это не имеет к имению ни малейшего отношения, – заявила Арабелла, начиная себя чувствовать крысой, загнанной в угол. – Это совершенно личное дело. Поэтому прошу вас извинить меня, сэр. – И она поспешила по подъездной дорожке.

– Я провожу вас туда, куда вы направляетесь, – ответил он, легко догнав ее. – Может быть, по дороге вы мне кое-что покажете или расскажете об этих землях.

Арабелла поняла, что ей от него не отделаться, если только не натравить на него собак, но, отпущенные на свободу, они прыгали вокруг него, издавая восторженное тявканье. Поэтому надежда на успех была весьма проблематичной. Оставалось только в молчании идти с ним рядом, стараясь, насколько возможно, не обращать на него внимания.

– Если память мне не изменяет, один сезон вы провели в Лондоне, – сказал Джек.

Отвечать молчанием на столь невинное и ординарное замечание было просто невозможно.

– Да, десять лет назад.

Она подняла обслюнявленную Борисом палку и отбросила в сторону.

– Вам не понравилось в городе?

Он бросил палку Оскару.

– Нет.

Джек размышлял над ее кратким ответом. Он никак не располагал к дальнейшей содержательной беседе. Все-таки Джек с глупой настойчивостью спросил:

– Почему?

Впервые с момента, когда они пошли рядом, Арабелла посмотрела на него. Ее четко очерченные брови поднялись, и она ответила:

– Что за нелепый вопрос, сэр? Посмотрите на себя и на меня. Как вы думаете, совместима ли я с вашим миром? У меня нет интереса к модам, сплетням, интригам, ко всей этой фальши… которая так устраивала моего брата и, как видно, вполне подходит вам, но не годится для меня.

– В этом мире, Арабелла, есть место и для необычных вещей, – сказал он. – Есть место для нового.

– Я женщина, – объявила она, будто ставя точку в их разговоре.

– Женщины тоже могут быть носительницами новшеств, – мягко возразил он, бросая собакам новую палку.

– Нет, насколько показывает мой опыт.

Беседа начала занимать ее, к величайшему ее раздражению.

– Осмелюсь заметить, что ваш опыт жизни в городе оказался очень небольшим, если вы провели там всего один сезон. К тому же следует принимать во внимание и ограничения, связанные с тем, что вы были дебютанткой.

Возможно, в его словах и был смысл, но Арабелла сделала всего одно замечание, произнесенное кислым тоном:

– Мне его хватило.

– Но как насчет вашего интереса к политике? – наседал герцог. – Он был вызван к жизни этим вашим кратким пребыванием в Лондоне?

– Может быть, – ответила Арабелла и ускорила шаг.

Ему пришлось тоже поспешить, чтобы не отстать от нее.

– А как насчет искусств, Арабелла? Театра, оперы, музыки… Конечно, вы не стали бы отказываться от всего этого.

– Я ни от чего не отказываюсь. – Она не пыталась скрыть раздражения: от его замечания ей еще больше стало не по себе.

– Прошу меня простить, но мне кажется, что вы как раз это и делаете. Вы исключаете из своей жизни многое, что сулит новый и интересный опыт. Вы не хотите жить полной жизнью. Почему?

В его вопросе прозвучала искренняя заинтересованность. Арабелла остановилась и повернулась к нему лицом.

– Ваша светлость, вы забываете, что эта полная жизнь и новый опыт означали бы брак с вами. А я его решительно отвергаю.

ГЛАВА 5

Арабелла снова двинулась вперед, и ее юбки взметнулись от энергичного шага. Джек изумленно поднял брови. Она, несомненно, старалась сохранять как можно большую дистанцию между собой и нежеланным спутником. Но он был не менее упрямым. Он быстро последовал за ней, легко ее догнал, хотя она шла все быстрее и быстрее, едва удерживаясь от того, чтобы припустить непристойной рысью.

– Питер Бэйли говорил мне о споре с каким-то соседом об участке земли в дальнем конце деревни, – заметил он, будто они и не обменялись колкими репликами. – Может ли житель Лэйси-Корт сам разобраться в этом деле? Или ему следует обратиться в местный суд?

– Лорд Лэйси-Корт и есть местный судья, – ответила она, позволив себе слегка замедлить шаг.

Несмотря на ранний час, погода была слишком жаркой для такой быстрой ходьбы. К тому же ей стало ясно, что она нипочем не отделается от нежеланного спутника, что бы ни говорила и ни делала. Единственно достойным выходом было покориться.

– Он сидит на одной скамье с сэром Марком Барретом и лордом Эслопом.

– Понимаю. В таком случае было бы уместно познакомиться с коллегами судьями, – заметил Джек.

– О, можете не волноваться. Они сами придут к вам и постучат в вашу дверь, – сухо ответила Арабелла. – Держу пари, что Лавиния Эслоп уже излагает суть дела своему долготерпеливому мужу, который наверняка еще лежит в постели, и требует, чтобы он немедленно оделся и следовал за ней в Лэйси-Корт.

– И он подчинится?

Арабелла не смогла удержаться от смеха:

– О да! Можете на этот счет не волноваться. Лавинии достаточно щелкнуть пальцами, и он послушно прыгнет через обруч.

– Похоже, он под каблуком у жены, – сказал Джек.

– Ну, как я уже предупредила вас вчера, так или иначе, а вам предстоит познакомиться с Лавинией Эслоп.

Арабелла свернула с проселочной дороги, чтобы нырнуть в лаз в высокой изгороди:

– Я пойду этой дорогой, а вы можете продолжать идти прямо.

– Зачем мне это?

– Едва ли ваш костюм подходит для того, чтобы лезть в пролом в изгороди, а потом петлять по полям и прыгать через канавы, – заметила Арабелла самым дружелюбным тоном.

– А как же вы? – поинтересовался он.

– Я привыкла, – сообщила Арабелла и поставила ногу на край лаза.

– Позвольте мне первому.

Его руки обвились вокруг ее талии, и он поднял ее, снял с первой перекладины и поставил рядом. Потом ловко перемахнул через препятствие, и рапира ничуть не помешала его действиям. Движения его были четкими и точными.

– А теперь, – сказал он, поворачиваясь к ней лицом, – если вы встанете на эту перекладину, я перенесу вас через нее.

– Вы очень галантны, но в этом нет необходимости, – заявила Арабелла. – Если бы вы были так добры и посторонились… – Она поставила ногу в сандалии на грубо обточенную планку.

На его губах зазмеилась ленивая усмешка:

– А если я этого не сделаю?

– В таком случае я пойду дальше по проселочной дороге, а вы можете наслаждаться прогулкой по полям, сколько захотите, – огрызнулась она.

Джек рассмеялся и отступил от лаза:

– Сделайте милость.

Он был вынужден признать, что она одолела препятствие с изяществом и грацией, и чуть приподнявшаяся от ее движений юбка позволила ему полюбоваться ее точеными лодыжками.

Арабелла спрыгнула с перекладины и пошла через поле, задевая юбкой созревшие колосья. Стебли доставали ей почти до пояса, волнуясь под легким ветерком. Собаки были на седьмом небе. Они носились кругами, виляли хвостами

и оглашали окрестность пронзительным лаем, пугая кроликов, затаившихся в хлебах.

– Должно быть, скоро начнется горячая пора, сбор урожая, – сказал Джек, стараясь идти в одном темпе с ней.

– На следующей неделе, – ответила Арабелла. – Если вы здесь задержитесь, вам придется быть хозяином на обеде в честь сбора урожая.

– И что это повлечет за собой?

На протяжении их дальнейшего пути Джек задавал ей нейтральные, безобидные вопросы о деревенской жизни и ведении хозяйства в имении, и Арабелла давала ему ясные ответы. Они не затрагивали личных тем, и только раз он прикоснулся к ней, удержав ее от падения, когда ее нога попала в кроличью нору. И она не нашла в этом ничего дурного. Они подошли к дому Барретов, красному кирпичному зданию, украшенному изразцами, миновав узкую аллею, ведущую к нему. Дом стоял близко к проселочной дороге. Узкая дорожка между двумя низкими каменными столбами вела прямо к парадной двери. Более широкая подъездная аллея шла вдоль стены конюшни и каретного сарая с тыльной их стороны. Дом был скромным, как и надлежит жилищу человека с непритязательным вкусом, бережливого и не думающего о том, какое производит впечатление, размышлял Джек.

– Здесь я вас покину, – сказала Арабелла, уже положив руку на щеколду калитки. – Если вы продолжите идти по про-

селочной дороге и дойдете до перекрестка, поверните налево, и дорога приведет вас в Лэйси-Корт. Если пойдете направо, придете в деревню.

Он стоял, прислонясь спиной к одному из столбов.

– А сколько времени вам потребуется на то, чтобы закончить свое неотложное дело?

– Понятия не имею, – ответила Арабелла. – Могу остаться здесь и на целый день.

И это было правдой. Часто она и Мэг проводили вместе весь день.

– Может быть, в таком случае я еще погуляю с собаками? – спросил он вежливо, хотя было очевидно, что Борис и Оскар, уже стоявшие на задних лапах и пытавшиеся открыть калитку, считали, что добрались до цели.

Арабелла покачала головой.

– У них здесь семья, – пояснила она. – Вы можете увести их отсюда только силой.

Он кивнул и негромко рассмеялся:

– Да, я вижу.

Арабелла открыла калитку, и собаки рванулись к задней двери дома.

Появилось еще два таких же рыжих сеттера, и все четверо переплелись в клубок, возбужденно лая и кувыркаясь.

– Это их сестры, – сказала Арабелла, – а вон и мать. У нее сейчас новый помет.

Сука с отвисшими, полными молока сосками не спеша вы-

шла из-за угла приветствовать своих первенцев.

– А ваши служат производителями для своих сестер? – поинтересовался Джек.

Арабелла покачала головой:

– Нет, сэр Марк не одобряет инбридинга. Он разводит собак не для денег, а ради удовольствия.

Вот, значит, каким было жилище его коллеги – мирового судьи. Ведь можно получить недурную прибыль, разводя охотничьих собак, размышлял Джек. Но требовались опыт и знания для того, чтобы понять выгоду их разведения.

Арабелла поздоровалась с дворецким, открывшим ей дверь:

– Доброе утро, Харкорт. Мисс Баррету себя наверху?

– Она еще завтракает в гостиной, леди Арабелла. С сэром Марком и ее милостью.

Арабеллу это сообщение несколько смутило. Для удобства общения было, оказывается, слишком рано. Она надеялась все рассказать Мэг, прежде чем изложит положение дел сэру Марку и его супруге. Но теперь уже ничего нельзя было предпринять. Дворецкий открывал дверь в маленькую гостиную за лестницей, где хозяева завтракали.

За столом, накрытым для завтрака, сидели трое. Они удивленно воззрились на незваную гостью, прервавшую их занятие, но изумление быстро миновало и, как обычно, сменилось радостью и теплым приветствием. Арабелла в доме Барретов была так же желанна, как и их собственная дочь.

– О, Белла, дорогая, ты так рано встала и пришла как раз вовремя! – воскликнула леди Баррет, и ее круглое розовое лицо засветилось улыбкой. – Садись и выпей кофе. – Она указала на стул рядом с дочерью. – Ты уже завтракала?

– Да, мэм, час назад, – ответила Арабелла, наклоняясь поцеловать леди Баррет, потом обошла стол, чтобы подойти к сэру Марку.

Он был высокого роста и слегка сутулился из-за необходимости постоянно подныривать под низкие притолоки. Его длинное лицо было изборождено глубокими морщинами, но зеленые глаза под кустистыми седыми бровями смотрели проницательно и зорко. Редкие седые волосы кое-где украшали мощный купол лба и оттеняли блестящую лысину. В уединении своего дома он предпочитал не скрывать плешь под пудреным париком.

Он поднялся на ноги и одарил Арабеллу отеческим поцелуем в лоб.

– Доброе утро, моя дорогая Белла. Надеюсь, у тебя все в порядке?

В этом доброжелательном приветствии оставался намек на вопрос, что почти не удивило Арабеллу. Сэр Марк Баррет, как и его дочь, отличался завидной проницательностью и мало что упускал из виду, а сегодняшний визит Арабеллы был необычно ранним.

– Ну, почти, сэр, – ответила Арабелла, чуть помедлив.

Песочные брови Мэг высоко взметнулись, красноречиво

выразив ее недоумение и вопрос, когда она поднялась с места, чтобы обнять подругу.

– Великие умы всегда мыслят похоже, – заметила она со своим обычным заразительным смехом, заправляя за ухо непокорную прядь ярко-рыжих волос. – После завтрака, пока не слишком жарко, я как раз собиралась прогуляться в Лэйси-Корт.

Она налила Арабелле кофе.

– Так в чем дело, дорогая? – поинтересовался сэр Марк, как только Арабелла сделала первый глоток. – Должно быть, нечто из ряда вон выходящее привело тебя сюда в такую рань?

Арабелла заговорила, тщательно взвешивая слова. Она не хотела сразить наповал своими новостями сэра Марка и его жену. Не стоило мутить воду рассказом о сделанном ей предложении. Это она сообщит только Мэг.

– Не знаю, с чего начать, – покачала она гололой. – Фредерик умер. – Это прямо высказанное известие повисло в воздухе, но она не могла придумать способа смягчить столь тяжелый факт.

На мгновение она почувствовала, как рука Мэг сжала под столом ее колено.

– О Боже, – пробормотала леди Баррет, прикладывая к губам салфетку. – Ах ты, бедное дитя! – Она перегнулась через стол, чтобы похлопать Арабеллу по руке.

Ее муж прокашлялся. Сэр Марк предпочитал придержи-

ваться фактов и не смешивать их с эмоциями.

– При каких обстоятельствах, Белла?

Стоило ли повторять ложь о дуэли или рассказать им правду? Она оглядела стол и сидящих за ним обеспокоенных людей и поняла, что не сможет им солгать. Всю жизнь они были ее друзьями и во всех случаях оставались ее единственной семьей, как только она вышла из младенческого возраста. Она не помнила своей матери. Отец же всегда оставался далеким и почти нереальным и совершенно равнодушным к ней. За отеческим утешением и советом она неизменно обращалась к сэру Марку, и он никогда не подводил ее и не обманывал ее доверия.

И она стала им объяснять новые обстоятельства в этой теперь притихшей комнате, где забытая еда остывала на тарелках. Голос ее был тихим и ровным.

– О, моя дорогая! – снова сказала леди Баррет, когда она наконец окончила свой рассказ и замолчала.

Она смотрела на Арабеллу испуганными глазами.

– В это… в это так трудно поверить.

– Да не так уж и трудно, – объявил сэр Марк, беспокойно отодвигая свой стул. – Фредерик не первый дурак, потерявший все из-за страсти к карточной игре, и не последний. Азартные игры – проклятие этого общества.

Он поднялся на ноги и заходил взад и вперед между окном и камином, заложив руки за спину и сжимая их.

– Теперь Арабелла на нашем попечении.

– О да, – отозвалась леди Баррет сочувственно. – Что тебе делать, мое бедное дитя? Как могло случиться, что у тебя не осталось средств, что о тебе не позаботились?

Она умолкла, но в голосе ее звучало подлинное негодование.

Мэг потерла свой острый подбородок, и палец ее уперся в ямочку посередине него. У нее была привычка потирать подбородок, когда она была погружена в глубокое раздумье.

– Может быть, попытаться убедить герцога, чтобы он выделил тебе средства?

– Да, это тоже было моей первой мыслью, – поддержал ее отец. – Если он честный человек, то поступит порядочно. Я немедленно навещу его. Где он остановился, Белла?

– В Лэйси-Корт, – ответила Арабелла, ожидая того, что должно было непременно последовать.

Сэр Марк замер на середине пути между окном и камином.

– Он ночевал там прошлой ночью? – спросил он, не сводя глаз с Арабеллы.

– Да, сэр, в комнатах моего брата в восточном крыле.

– А ты?

В вопросе его уже звучало недоверие, будто он ожидал невероятного ответа.

– В своей спальне в западном крыле, сэр. – Арабелла крепко сжала руки, лежавшие на коленях, чтобы унять дрожь в пальцах.

Доброе мнением ней Барретов было для нее слишком важно, чтобы она могла примириться с их недовольством или равнодушием.

– Боже милостивый! – На мгновение он потерял дар речи.

Потом провел рукой по блестящей лысине и спросил:

– О чем же ты думала, Арабелла? Ты должна была немедленно прийти к нам.

– В самом деле, дорогая, ты вообще не должна возвращаться в этот дом, – заявила леди Баретт темпераментно, берясь за свой веер. – Нет, нет, еще не все потеряно, если ты останешься здесь теперь же. Мы скажем, что ты пришла сюда поздно вечером, когда этот… этот… О, я не нахожу слов! Когда этот герцог приехал и вынудил тебя покинуть свой дом. Какой же он, должно быть, негодяй? – вопросила она, не ожидая, впрочем, ответа, с силой складывая веер. – Мы пошлем за твоими вещами… Франклин и миссис Эллиот знают, что надо сюда доставить.

– Мэм, в этом нет нужды. – Арабелла тщательно и осторожно подбирала слова. – Как объяснил герцог, он сейчас заменяет мне брата. Что говорит против нашего проживания в разных крыльях дома? Мы можем даже не встречаться в коридоре. Кроме того, – добавила она, когда ей стало ясно, что у ее собеседников масса возражений, – у меня полно компаньонов и компаньонок. Во-первых, миссис Эллиот, потом моя старая няня…

– Твоя няня давно впала в маразм и не заметит даже, ес-

ли в доме начнется пожар, – возразил сэр Марк. – И ты не можешь считать домоправительницу достойной компаньонкой. Если бы я не знал тебя лучше, Арабелла, я бы счел, что ты потеряла рассудок от известия о смерти Фредерика. – Его глаза буравили ее, и он нетерпеливо качал головой. – Нет, это неубедительно. Ты немедленно переезжаешь к нам.

– Мой дорогой сэр, вы знакомы с его светлостью? – спросила леди Баррет.

– Лично не знаком. Мы вращаемся в разных кругах общества, – кратко ответил сэр Марк. – Но репутация этого человека широко известна. Он плут и негодяй. Ни одна уважающая себя особа женского пола не останется в одной комнате с ним.

– Это интересно – пробормотала Мэг. – Ведь известно, что у каждой тучи есть серебряная подкладка и у всякого явления две стороны.

Но ее слова были предназначены для одной Арабеллы. Она произнесла их ей на ухо.

Арабелла подавила желание улыбнуться при проявлении этой неистребимой жажды бунтарства. Независимо от того, насколько мрачным представлялось положение дел, Мэг всегда умела поднять ей настроение. И правдой было то, что, как бы плохо она ни думала о герцоге Сент-Джулзе, он был интересной личностью.

– Скорее всего сейчас его светлости нет дома, сэр Марк, – сказала она, увидев, что баронет положил руку на дверную

ручку.

И добавила со смехом:

– Выходя из дома, я видела, что он отправился на верховую прогулку.

– В таком случае я поеду к Эслопу обсудить с ним это позорное дело.

Сэр Марк вышел, громко хлопнув дверью.

– Да уж, предоставь все это сэру Марку. Он скоро все уладит, Арабелла, дорогая, – сказала леди Баррет со своей обычной верой во всесилие мужа. – И ты, разумеется, останешься здесь.

Как ни горько было Арабелле обижать своих друзей, она сознавала, что не может их обременять и заставлять обеспечивать ее завтрашний день. Каким бы мрачным ни казалось ее будущее, оно принадлежало ей одной. Ей предстояло принимать решения самой, как бы трудны они ни были. Она твердо знала, что не станет обузой ни для кого.

– Вы очень добры, мэм, – сказала она осторожно, – но сейчас я должна оставаться дома-. Я ожидаю прибытия орхидей из Суринама в любой день. Это очень чувствительные… и ценные экземпляры. И я должна быть на месте, чтобы принять их. К тому же они очень дорогие. – Она улыбнулась со смущенным видом, как бы извиняясь, но тотчас же стерла с лица улыбку, прежде чем услышала возражения. – Кроме того, у меня есть два заказа на мои собственные, выведенные мной сорта, и я обещала отправить цветы при первой же

возможности. Это могу сделать только я.

– Орхидеи! – воскликнула леди Баррет. – Как ты можешь предпочитать орхидеи своей незапятнанной репутации?

Смущенная и извиняющаяся улыбка Арабеллы едва ли могла скрыть ее внутреннюю решимость.

– Моей репутации ничто не грозит, мэм, – сказала она, – Я уже перешла за пределы того возраста, когда меня можно было бы заподозрить в нескромности. Разве вы не согласны с этим?

Лицо леди Баррет выражало мрачную озабоченность.

– Но я не понимаю, почему можно счесть недостойным мое пребывание под одной крышей с наследником моего брата, – продолжала упорствовать Арабелла. – Герцог и сам достаточно взрослый, мэм.

Она пыталась создать у леди Баррет впечатление, что этот джентльмен пожилой, увенчанный сединами и стремительно впадающий в детство, но видела, что для той ее аргументы неубедительны. Каково-то будет ей, когда леди Баррет увидит герцога Сент-Джулза во плоти! Об этом Арабелла могла только догадываться.

Она решительно продолжала:

– Кроме того, мадам, наше совместное житье долго не продлится. Я уже написала родственникам моей матери в Корнуолл и надеюсь, что они предоставят в мое распоряжение маленький коттедж на своей земле.

– О, моя дорогая, что бы сказала твоя мать?

Леди Баррет начала обмахиваться веером. Щеки ее раскраснелись от волнения.

Арабелла подумала, оказалась бы она в таком отчаянном положении, если бы ее мать не умерла, когда ей шел всего пятый год. Конечно, она бы сумела защитить интересы дочери, она бы настояла, чтобы ей было выделено состояние. Но такого рода размышления ничего не давали. Она и на самом деле не знала, какой была ее мать. Была ли она сильной и независимой? Или слабой и находилась в полном подчинении у мужа? Леди Баррет никогда не могла толком описать Вирджинию Лэйси.

Она подавила невольный вздох и сказала:

– Уверяю вас, мэм, что буду вести себя безупречно.

– О да… разумеется, будешь… но этот человек, этот герцог… он плут и распутник… О, что же делать? – Она покачала головой, и кружевной бант на ее чепчике подпрыгнул.

Мэг прикрыла рот сложенными в щепоть пальцами. Она видела, что готовится битва и войска уже построены по обе стороны линии будущего сражения, и лучше родителей понимала, насколько смелой могла быть Арабелла, если дело доходило до принятия бесповоротных решений. Но возможно, пока еще для ее подруги не наступило время пойти ва-банк.

– Не думаю, что мы можем что-нибудь предпринять, пока не узнаем больше, – сказала она, и ее тонкие дугообразные брови сошлись над переносицей. – Было бы лучше, если бы

мы дали пыли осесть, и тогда, возможно, все мы будем мыслить яснее.

Она поднялась со стула, подошла к матери и нежно поцеловала леди в разгоряченную щеку. Леди Баррет издала тяжкий вздох:

– Ладно, подождем, пока вернется твой отец.

Мэг пробормотала что-то неразборчивое, но выражающее согласие, и они с Арабеллой встали из-за стола. Не сговариваясь, они отправились наверх, в старую классную комнату Мэг, ставшую теперь ее личной гостиной. Несколько поколений детей обитало в этой маленькой, отделанной панелями комнате с потертым дубовым полом и поцарапанным широким подоконником, еще слабо пахнущей мелом и грифельными досками. Мебел ьбыла поношенной, цвет диванных подушек и вытертого до основы турецкого ковра, выгоревших на солнце, потускнел. Переплеты книг были отполированы до блеска. И все же она была по-своему уютной и хранила атмосферу дома. Медная ваза с ноготками украшала пустую и холодную каминную решетку. На столике с откидной крышкой цвела одна из экзотических орхидей Арабеллы. Так же молча, не сговариваясь, они закрыли дверь, облегченно вздохнув.

Мэг расположила свое худое и угловатое тело на лежащих на подоконнике вытертых диванных подушках и теперь смотрела с ненасытным любопытством на подругу умными зелеными глазами, слегка склонив голову набок.

– Итак, давай-ка восполним пробелы. Арабелла подергала себя за мочку уха. Она ожидала, что Мэг поймет, что за завтраком она рассказала только часть истории, так сказать, ее костяк, но у нее не было ни малейшего желания скрыть что-нибудь от Мэг, если бы она и могла это сделать. Обе девушки имели сначала одну гувернантку, потом одного наставника, когда сэру Марку стало ясно, что будет больше пользы, если им дадут неординарное образование, не такое, какое давали их сверстницам, которых готовили только для замужества. И эти годы, когда они были так близки, оставили у них обеих способность читать в душе друг друга.

– Ну, Белла, рассказывай, – повторила Мэг, после того как несколько минут прошло в молчании.

И Арабелла нерешительно начала.

– Я была в оранжерее, разгоряченная, потная и грязная, когда этот герцог вошел туда без доклада и выглядел, должна заметить, безупречно, – выпалила она с некоторым отвращением. – Можешь себе представить, на кого я была похожа!

– Легко могу, – согласилась Мэг сочувственно.

До известной степени она разделяла равнодушие Арабеллы к внешнему виду.

– Но раз ты работала в оранжерее в своем собственном доме, то не понимаю, какое ему могло быть дело до твоего вида.

Арабелла неохотно улыбнулась, распознав в этой речи обычную горячность Мэг и желание защитить ее.

– Он ничего и не сказал, – ответила она. – Но смотрел на меня.

– То есть оглядел тебя с головы до ног, нашел неполноценной и сообщил тебе, что твой брат убит и он выгоняет тебя из дома? – спросила Мэг с недоверием.

– Да уж, что касается этого, то он не был слишком учтив, – согласилась Арабелла. – Но он не сказал, что хочет выгнать меня из дома, – напротив, заявил, что я могу оставаться в Лэйси-Корт сколько угодно.

Она отвернулась от испытующих зеленых глаз Мэг и почувствовала, что краснеет.

Глаза проницательной Мэгсузились.

– Это похоже на непристойное предложение.

Арабелла повернулась к ней с несколько принужденным смехом:

– Моя первая реакция была такой же. Однако оказалось, что у его светлости на уме другое.

Она замолчала, внезапно глаза ее задумчиво устремилась куда-то в пространство.

Мэг ждала, затаив дыхание.

– Белла, – запротестовала она наконец, – ради Бога! Ты всегда начинаешь что-нибудь рассказывать и останавливаешься на самом интересном месте. Что произошло?

– О, прошу прощения! – Арабелла очнулась от своих мыслей. – Ну, короче, Мэг, он попросил меня выйти за него замуж.

Глаза Мэг стали похожи на блюдца.

– Он опустился на одно колено и попросил твоей руки?

Арабелла покачала головой и не смогла удержаться от смеха, представив эту нелепую сцену: элегантный и спокойный герцог Сент-Джулз на коленях.

– Ничего подобного. Это было прямо и без обиняков выраженное деловое предложение: «Мне нужны жена и наследник, вам необходим дом».

– Он видел тебя раньше? Я хочу спросить, он знал тебя? – Мэг никак не могла взять в толк случившееся.

– Нет, – решительно ответила Арабелла. – К тому же он был настолько любезен, что сообщил мне, что у него есть любовница, которая его вполне удовлетворяет, но ему позарез нужен законный наследник.

– Похоже, он настоящий хлыщ, – решила Мэг с холодным отвращением. – Надеюсь, ты дала ему должный отпор?

– Конечно, – согласилась Арабелла со страстью. – За кого ты меня принимаешь?

Мэг уставилась на свои колени, обтянутые муслином с узором из веточек, обводя рисунок кончиком пальца.

– Конечно, – сказала она медленно, – в иных обстоятельствах в таком браке были бы некоторые преимущества.

– Но ситуация должна была быть совсем иной, – язвительно ответила Арабелла. – Нет, я вовсе не слепа и понимаю преимущества брака с богатым герцогом. И все же предпочла бы получить его в мужья в другой, более приятной об-

становке.

– Значит, он довел твоего брата до смерти, – пробормотала Мэг. – Я не нахожу оправдания для Фредерика. Он превращал твою жизнь в настоящий ад, когда оказывался здесь, и все же во всем этом есть кое-что… – Она слегка передернула плечами. – Все-таки в этой смерти ощущается рука дьявола.

Арабелла мрачно кивнула:

– Я чувствую то же самое. И по правде говоря, Мэг, в самом герцоге Сент-Джулзе есть что-то дьявольское.

Мэг подняла глаза, оторвавшись от созерцания своей юбки. Внезапно глаза ее заблестели.

– Мне всегда была по душе игра с огнем.

– Знаю, – сказала Арабелла, вскакивая с низкого стула без подлокотников. – Но есть разница между тем, чтобы играть с огнем и быть пожираемой им.

Она принялась ходить по комнате, ее полосатые муслиновые юбки вихрем закручивались вокруг ног при каждом резком движении.

Мэг с минуту смотрела на нее, потом сказала со свойственной ей проницательностью:

– Тебя уже немного опалил этот огонь, Белла?

Арабелла остановилась и заговорила, осторожно подбирая слова:

– Мэг, он вошел в мой дом, заявил, что отбирает его у меня, настоял, чтобы я составила ему компанию за обедом,

а потом поцеловал меня. Что ты скажешь?

– Думаю, у тебя есть основания его опасаться. – Мэг не спеша кивнула.

Блеск в ее глазах теперь превратился в пламя.

– И поцелуй был хорош? – В ее вопросе прозвучало искреннее любопытство.

Арабелла взяла диванную подушку и запустила в нее. Мэг со смехом увернулась, сделав змееобразное движение на подоконнике, чтобы поймать подушку, но ей это не удалось. Подушка ударилась в оконное стекло за ее спиной.

– О, – сказала она, голова ее все еще была повернута к окну, – похоже, твой герцог явился за тобой.

– Что?! – спросила Арабелла, сделав движение к окну.

Герцог Сент-Джулз с праздным видом стоял, прислонившись к столбу вороти подняв лицо к солнцу. Он являл собой совершенную картину покоя и довольства.

– Белла, а герцог-то весьма элегантен и красив, – заметила Мэг.

– Я и не говорила, что это не так, – возразила Арабелла несколько запальчиво. – Но это ничего не меняет. Он по-прежнему остается распутником и плутом. Ты же слышала, что сказал твой отец. Он заядлый игрок, способный хладнокровно обречь человека насмерть…

– В нем есть что-то от дьявола, – перебила Мэг с задумчивым видом. – Несомненно, намек на что-то необычное и из ряда вон выходящее.

– Что-то опасное, – твердо заявила Арабелла. – От него исходит угроза.

– Понимаю, что ты имеешь в виду, – задумчиво сказала Мэг, прижимаясь лбом коконному стеклу, чтобы видеть лучше. – Может, такое впечатление создает седая прядь в волосах. Но этот седой локон придает ему и обаяние.

– Он так же опасен, как его рапира, – решила Арабелла. – И у него есть какой-то скрытый мотив, чтобы быть здесь, и что-то тайное кроется за его абсурдным предложением брака… как и за тем, что он довел Фредерика до самоубийства. Я в этом убеждена.

Мэг кивнула:

– Уверена, что ты права. Ах, – сказала она внезапно, – похоже, нас ждет что-то интересное.

– Что? – Арабелла встала коленями на подоконник рядом с подругой.

По тропинке к незнакомцу, стоявшему у ворот, приближался сэр Марк Баррет. Его сопровождали два мастифа. Шерсть у них на загривках поднялась дыбом.

В ожидании неизбежного Арабелла наблюдала, как герцог щелкает пальцами и обе огромные собаки подходят к нему и наклоняют головы, чтобы он потрепал их по шеям.

– Господи помилуй! – воскликнула Мэг. – Эти паршивцы вселяют непреодолимый страх всем, кроме отца.

– Скажу тебе, Мэг, если Джек Фортескью таким же образом очарует твоего отца, он сам дьявол во плоти, – заявила

Арабелла. – Эти зверюги просто показали, кто их господин.

Мэг разразилась смехом, но не спускала глаз со сцены у ворот. Они не могли слышать, о чем говорили мужчины, но видели, что герцог улыбается и ведет себя как нельзя более непринужденно. Казалось, он что-то объясняет сэру Марку, а тот слушает, не делая попытки перебить его. Теперь мастифы лежали на траве и казались мирными и не более опасными, чем пара миниатюрных пуделей. Раз или два баронет бросил на них взгляд, явно озадаченный необычной покорностью своих сторожевых собак.

– Бедный отец не знает, что и думать, – заметила Мэг. – Что твой герцог говорит ему?

– Он не мой герцог, – машинально возразила Арабелла.

– Ты только посмотри! – воскликнула Мэг. – Ты права. Он и впрямь воплощение дьявола.

Сэр Марк от души пожимал руку своему гостю, радушно приглашая его войти в дом.

– Он приручил отца, и тот теперь ест у него с руки, – сказала Мэг почтительно. – Если бы я не видела этого собственными глазами, не поверила бы.

– Я не говорила, что он не может быть обаятельным, когда захочет, – сказала Арабелла. – Но не приведешь ли причину, по которой я должна выйти замуж за человека, силой принуждающего меня к браку. Да и зачем ему я? Почему Джек Фортескью хочет на мне жениться?

– Это вроде военной репарации, – предположила Мэг.

– Да, и он сказал то же самое. Но только я не поверила. Есть в этом что-то еще.

Арабелла слезла с подоконника и снова начала беспокойно ходить по комнате.

– К тому же я не хочу, чтобы меня сочли бедной женщиной, лишившейся поддержки семьи и потому принимающей опеку человека, отнявшего у нее эту поддержку.

– Нет, разумеется, нет, – поспешила согласиться Мэг. – Это ужасное будущее. Мы обе знаем, что нельзя принимать ничего подобного. Мы обе давным-давно были бы замужем, будь мы способны на подобные компромиссы. Разумеется, ты не захочешь лишиться своей независимости. Но не стоит ли посмотреть на это с другой стороны?

– Не знаю как, – ответила Арабелла. – Мне просто предложили обмен: быть покорной женой и позволить мужу делать все, что угодно, а также пускать его в свою постель, когда он этого потребует. – В тоне ее прозвучала горечь.

Мэг обдумывала ее слова.

– Если рассмотреть все это только теоретически, потому что мы обе, разумеется, знаем, что ты ни в коем случае не примешь его предложение… мне кажется, если он считает, что ты должна смотреть на его связи сквозь пальцы, ты тоже могла бы потребовать подобной свободы. – Она задумчиво созерцала подругу. – Если, конечно, тебе захотелось бы завести любовника.

– У меня нет твоего опыта, Мэг, – сказала Арабелла с при-

нужденным смехом. – Все, что я знаю о восторгах спальни, я почерпнула от тебя.

Мэг издала короткий насмешливый вздох:

– Это было давно, так давно. Я почти и забыла, как это бывает.

– Когда у тебя возникнет возможность, ты все вспомнишь.

– Кто же я такая, если мне придется довольствоваться этим? – спросила Мэг. – Я однажды провела сезон в Лондоне, и из этого ничего не вышло. И потому я приговорена выбирать мужа из прыщавых юнцов или пьяных сквайров Кента.

– Или это, или придется вести жизнь, которая, как мы утверждали всегда, удовлетворяет нас, – заметила Арабелла. – В десять лет мы дали клятву и расписались кровью в том, что сохраним нашу независимость, и ничто, ни один мужчина не сможет заставить нас изменить решение.

Мэг со смехом покачала головой:

– Все это было прекрасно в десять лет, Белла. Но я еще не встретила мужчины, который согласился бы принять такие условия, да и ты тоже. И я не уверена, что хочу провести остаток жизни в состоянии целомудрия и девичества. А ты?

– По правде говоря, я тоже, – сказала Арабелла упавшим голосом. Ей представилась ее будущая жизнь в качестве бедной родственницы в коттедже в Корнуолле, и эти мысли ее не обрадовали.

Стук в дверь прервал затянувшееся молчание.

– Войдите, – сказала Мэг.

В дверном проеме возникла горничная, тотчас же присевшая в реверансе.

– Прошу прощения, мисс Мэг, но сэр Марк хочет знать, не присоединитесь ли вы с леди Арабеллой к нему в библиотеке.

Молодые женщины переглянулись. Если герцог ухитрился добиться поддержки баронета всего за полчаса, он был еще опаснее, чем они предполагали.

– Мы спустимся через пять минут, Мэдж, – сказала Мэг.

Когда за горничной закрылась дверь, она обернулась к Арабелле:

– Должно быть, он и в самом деле приручил моего отца, и тот ест у него с руки. Что такое он мог ему сказать?

– Очевидно, он убедительно представил ему все преимущества вступления с ним в брак, – сухо ответствовала Арабелла. – Твой отец всегда мыслил себя in loco parentis[4], даже еще до смерти моего. А уж после того, как мой отец умер, сэр Марк не делал тайны из своего презрительного отношения к Фредерику. Я подозреваю, что он убедил себя, а сейчас, возможно, и твою мать в том, что это правильное решение моих проблем, и в том, что герцог – прекрасная и беспроигрышная партия.

– Хотя, возможно, он развратник и плут, – пробормотала Мэг, вставая на цыпочки перед зеркалом и заправляя пряди,

---

[4] В роли отца (лат.).

выбившиеся из ее рыжей гривы.

– О, я не сомневаюсь, что Джек внушил твоим родителям, что он сам архангел Гавриил, – кисло заметила Арабелла.

Мэг обратила внимание на то, что ее подруга столь непринужденно назвала герцога по имени, и бросила на Арабеллу проницательный взгляд, но воздержалась от комментариев. Арабелле было решать, плавать ли в этих глубоких и темных водах и как плавать. Мэг была готова предложить подруге любую помощь и поддержку, если бы ей это потребовалось, чтобы противостоять давлению со стороны ее родителей. А они обе чувствовали, что их натиск будет нешуточным.

Она сжала руку Арабеллы, быстро и ободряюще клюнула ее в щеку, и они пошли вперед по коридору.

ГЛАВА 6

– Ах, Белла, Мэг, дорогие, входите, – приветствовал их сэр Марк, как только они появились на пороге библиотеки.

Его супруга сидела на прямом стуле без подлокотников, держа на коленях сложенный веер. У нее был несколько смущенный и задумчивый вид человека, которого только что переселили на другую планету.

Джек поставил свою кружку с элем и поднялся на ноги.

– Моя дочь Маргарет, – сказал сэр Марк. – Мэг, дорогая, позволь представить тебе его светлость герцога Сент-Джулза.

Джек склонился над рукой Мэг:

– Счастлив с вами познакомиться, мэм.

– Сэр, – ответила Мэг, приседая в реверансе, и, отняв руку, принялась внимательно и придирчиво его разглядывать.

Джек ответил ей тем же. Он рассматривал ее, и на лице его появилась легкая задумчивая улыбка. Подруга Арабеллы была ее полной противоположностью: худощавая и угловатая, с острыми чертами лица, тонкокостная и низкорослая, в то время как Арабелла была высокой и линии ее тела были намного мягче, а фигура напоминала песочные часы. Да и краски Арабеллы были сочетанием кремовых и золотистых тонов. Во внешности Мэг обращал на себя внимание контраст между очень белой кожей, чуть припорошенной вес-

нушками, и короной ярко-рыжих обильных волос. Он размышлял, отразился ли этот контраст и на ее темпераменте. Чувствуя, что в этом разглядывании было нечто вызывающее, он несколько усомнился, что его догадка верна. Впрочем, Арабелла тоже смотрела на него во все глаза. Он бросил на нее внимательный взгляд, но лицо ее оставалось бесстрастным.

– Садитесь, мои дорогие, – сказал сэр Марк, жестом указывая на софу в стиле чиппендейл. – Знаю, Арабелла, что ты не любишь эль, но, может, выпьешь кофе… или лимонаду?

Арабелла покачала головой:

– Благодарю вас, сэр, я ничего не хочу. – Она села на софу рядом с Мэг, тоже отказавшейся от предложенных напитков.

Сэр Марк стоял возле незажженного камина, держа руки за спиной. Лицо у него было серьезное.

– Герцог только что разъяснил нам, при каких обстоятельствах умер твой брат, Арабелла…

– Неужели, сэр? – Арабелла подняла на него невинные глаза. – Мне он не смог объяснить этого удовлетворительно. Человек не доводит другого до самоубийства без веской причины.

Баронет нахмурился. Герцог же только снова взял в руки кружку с элем и подошел к высоким французским окнам, выходившим в сад и теперь открытым. Леди Баррет играла своим веером.

– Я знаю, Арабелла, что это трудно понять женщине, но

карточные долги отличаются от любых других, – сказал сэр Марк таким тоном, каким объясняют азбучные истины. – Человек не может не выплатить карточного долга, а если он не способен расплатиться, то у него не остается выбора… – Он умолк, и в комнате воцарилась тишина.

Потом заговорил снова:

– Есть только два пути – ссылка или смерть. Прости, что я излагаю все это так прямо, но в обществе есть неписаные правила, которым подчиняются все без исключения, и твой брат знал это.

– Я прекрасно это понимаю, сэр Марк. Но не могу взять в толк другое: почему единственным кредитором моего брата оказался его светлость? – Она сделала неопределенный жест в сторону герцога, наблюдавшего за ней из-за края кружки с пивом. – Я бы поняла, если бы Фредерик задолжал половине игроков Лондона, как и значительной части ростовщиков. Но похоже, что должен он был одному только герцогу Сент-Джулзу. Вам это не кажется несколько странным?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.